

ЖАК ПЁШЕ

МЕМОУАРЫ

извлечённые из архивов
парижской полиции

Том II

Перевод с французского

Жак Пёше

**Мемуары, извлеченные из архивов
французской полиции. Том II**

«Автор»

2026

Пёше Ж.

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том II / Ж. Пёше — «Автор», 2026

Париж XVIII века: за блеском придворных салонов скрываются яды, похищения, шантаж и тщательно подготовленные убийства. Опираясь на материалы полицейских архивов, Жак Пёше рассказывает о семейном преступлении, похождениях разбойника Пулалье, мошенниках, дворцовых интригах и тайных любовных историях. Здесь действуют фаворитки короля, аристократы, финансисты, религиозные фанатики и ловкие авантюристы. Отдельные главы посвящены руководителям парижской полиции — Эро, Беррье, Сартину и Ленуару, — их методам, успехам и злоупотреблениям. Среди документов встречается и донесение о молодом Робеспьере. Второй том — живая, ироничная и пугающая хроника эпохи, в которой власть, деньги и страсти тесно переплетены, а полиция видит французское общество с той стороны, которую не принято показывать публике. Автор заметок Жак Пёше, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Пёше Ж., 2026

© Автор, 2026

Жак Пёше
Мемуары, извлеченные из архивов
французской полиции. Том II

ЖАК ПЁШЕ

Архивист полиции

МЕМУАРЫ

ИЗ АРХИВОВ

ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ

Материалы к истории нравов и полиции

от Людовика XIV до наших дней

ТОМ II

Перевод с французского

Париж, А. Левавассёр и К°

Площадь Биржи, 8. 1838

Русский перевод. Главы XXVII–XLV (стр. 1–415 оригинала)

MÉMOIRES
TIRÉS DES
ARCHIVES DE LA POLICE
DE PARIS,

POUR SERVIR A L'HISTOIRE DE LA MORALE ET DE LA POLICE,

DEPUIS LOUIS XIV JUSQU'A NOS JOURS.

Par J. Peuchet,
Archiviste de la Police.

TOME II.

PARIS,

A. LEVAVASSEUR ET Cie,

Place de la Bourse, 8.

1838.

Титульный лист французского издания 1838 года
Типография мадам Портманн, улица Азар-Ришельё, 8

СОДЕРЖАНИЕ

- XXVII. Семейное преступление —
- XXVIII. Сын Регента —
- XXIX. Пулалье —
- XXX. Эро и кардинал Флёри —
- XXXI. Фейдо де Марвиль —
- XXXII. Беррье —
- XXXIII. Людовик XV. Анекдоты —
- XXXIV. Бертен —
- XXXV. Нравы эпохи Людовика XV —
- XXXVI. Финансист д'Ар... —
- XXXVII. Шевалье де ла Морльер —
- XXXVIII. Интрига вокруг герцога де Шуазёля —
- XXXIX. Граф д'Артуа и мадам де Полиньяк —
- XL. Маленький дом —
- XLI. Донесение о Робеспьере —
- XLII. Антуан де Сартин —
- XLIII. Жан-Шарль-Пьер Ленуар —
- XLIV. Жан-Франсуа-Раймон Альбер —
- XLV. Возвращение Ленуара —

ГЛАВА XXVII

Семейное преступление. — Гнусные происки. — Анонимное письмо. — Похищенный ребёнок. — Мнимое явление призрака. — Отравление сообщника. — Шестая жертва. — Адская машина. — Вмешательство господина генерального прокурора. — Слова господина Ленуара. — Раскрытие заговора против королевской семьи.

Господин де М....., советник Парижского парламента, однажды явился в глубочайшей тайне побеседовать с господином Эро, генерал-лейтенантом полиции. Разговор был долгим и оживлённым. Судья, исполнявший также административные обязанности, сделал записи, запер их в особой тетради, а затем проводил одного из господ до самой кареты, как того требовал этикет той эпохи.

Почему господин де М... явился в управление полиции? В его доме царило смятение; одно за другим были совершены два покушения посредством яда, причём установить виновника ему не удалось, хотя один дерзкий поступок преступника должен был бы навести его на след. Но, чтобы меня лучше поняли, следует сначала рассказать о советнике парламента и его семье.

Ему было около шестидесяти пяти лет; это был человек старой закалки, воплощение добродетели и честности. Неподкупный в отправлении своих строгих обязанностей, он пользовался большим влиянием в Большой палате, и его советам неукоснительно следовали. Трое женатых сыновей и ещё один, старший из всех, епископ; три дочери, как и их братья соединённые узами брака; одна его сестра, богатая вдова председателя парламента в судейской шапочке; один его брат, вышедший в отставку с чином и пенсией подполковника и крестом Святого Людовика, — все жили вместе в его огромном особняке, расположенном на улице Фран-Буржуа, в квартале Маре. Трое сыновей жили там со своими жёнами; у старшего и младшего было

по мальчику, у второго — только девочки. Его собственные дочери наполняли дом ребятишками.

Хотя все супруги жили под одной крышей, они не всегда обедали за одним столом. У зятьёв была отдельная кухня; но каждое воскресенье и в некоторые другие дни месяца все, без посторонних, собирались вокруг общего отца, поскольку мать уже несколько лет как умерла.

Однажды утром господин де М..... находился в своём кабинете; его взгляд упал на лежавшее перед ним запечатанное письмо, он вскрыл его; в письме говорилось:

«Трепещи, несчастный! Ты разорил меня, склонив своих собратьев к своему мнению. С этой минуты я объявляю тебе войну не на жизнь, а на смерть! Ты и твои близкие погибнете один за другим; ибо моя ненависть так велика, что одной твоей гибели мне было бы недостаточно. Я не подпишусь. Ищи моё имя среди многочисленных своих жертв: тебе нелегко будет его там отыскать».

Господин де М..... отнёсся к этому посланию с презрением. Напрасно он спрашивал своих слуг, кто его доставил. Никто этого не знал. И всё же он полагал, что у незнакомца есть сообщник в его доме; но кто же? Ведь его слуги, люди испытанной верности, состарились на службе в этом доме.

Вскоре после этого объявления войны в котёл, где варилась говядина, предназначенная для супа и бульона, был подсыпан сильный яд. Один бедный поварёнок, захотевший незадолго до обеда подкрепиться, едва проглотил несколько глотков этой жидкости, как ощутил мучительные рези в подложечной области и других жизненно важных частях тела. Ему немедленно оказали помощь. Его крепкое сложение и молодость боролись на его стороне: наконец он вернулся к жизни; однако ещё долго влачил мучительное существование.

Советник парламента, поражённый этим чудовищным покушением, велел собрать всех своих слуг и обратился к ним как добрый хозяин; другой на его месте уволил бы их всех: он же, напротив, оставил их у себя, но сообщил им, что тайный, грозный враг поклялся погубить его и всю его семью, и умолял их не позволить неизвестному человеку подкупить себя и тем рано или поздно привести к эшафоту.

Словно громом поражённые этим зловещим откровением, управляющий, метрдотель, виночерпий, повар, привратник-швейцар, камердинеры, кучер, носильщики, вплоть до экономок и горничных, разражаются возгласами, падают к его ногам, клянутся ему в несокрушимой верности, молят, рыдают, осыпают проклятиями негодая, который навлекает на них подозрение, и господин де М....., умевший судить о людях, видит среди всех окружающих его лишь невинные сердца.

С этих пор надзор становится более бдительным, дом охраняется лучше. Кухни прежде всего превращаются в подобие крепости, к которой трудно подступить. Однако столь тщательное наблюдение и столь горячее желание защитить любимых хозяев не могут помешать старшему сыну, его жене и двум их детям погибнуть одной летней ночью от действия сильного яда, подсыпанного в графин со смородиновой водой, которой все они обильно напились.

Молодая женщина находилась на девятом месяце беременности. Мучения от яда ускорили роды, и, умирая, она произвела на свет мальчика, которого врачи признали жизнеспособным, несмотря на катастрофу, ускорившую его появление на свет.

Страшный удар, с такой силой обрушившийся на судью, не оставил ему даже мысли об этом новорождённом, появившемся на свет при столь скорбных обстоятельствах. Жена третьего сына, чьё прекрасное сердце раскрылось перед лицом этого несчастья, взяла своего несчастного племянника на руки, поцеловала его с нежностью, в которой преобладало материнское чувство, и поклялась, что отныне он будет жить вместе с её сыном, которому станет братом, а не кузеном.

Она пожелала сама позаботиться о поисках кормилицы, нашла одну, как нарочно прибывшую из одного из её имений; и едва это слабое создание вступило в мир, в ту минуту, когда

его собственные родители столь мучительным образом покинули его, как ребёнка вырвали из нежных объятий деда, чтобы увезти из Парижа за тридцать лье, в самую глубину Берри.

Именно после этого нового покушения, увенчавшегося, к несчастью, слишком большим успехом, господин де М..... пришёл излить своё горе и ужас перед генерал-лейтенантом полиции; господин Эро, в интересах господина де М....., расспросил его обо всём его прошлом, о его связях, делах, тяжущихся, которые могли пострадать от его решений, о семьях преступников, осуждённых на смерть Турнелю, в вынесении приговоров которым он мог участвовать.

В самом деле, суровость законов, принося интересы каждого в жертву отвлечённым представлениям о справедливости, якобы ради общего блага, неизменно возбуждает ожесточённое негодование, которое рано или поздно даёт о себе знать. Судья, каким бы неподкупным он ни был, будучи рабом закона, не знающего милосердия, расплачивается тогда за жестокость законодательства, которое он не волен отменить и которое считает в высшей степени справедливым, поскольку воспитание и достаток естественным образом ограждают его от всех обстоятельств, против которых законы главным образом и создаются. Собственная совесть успокаивает его, а вокруг него зарождается тысяча врагов. Монтескьё, несомненно, размышлял об этой роковой истине, когда воскликнул: «Политические общества поражены изнурительной болезнью, внутренним пороком, тайным и сокрытым ядом!...»

Господин де М... отвечал на вопросы с пылкостью человека, который не желает ни в чём себя упрекнуть. Его совесть была столь чиста, его отношения с людьми всегда столь согласны с правилами справедливости, что он не видел у себя ни одного врага. Господин Эро дал ему мало надежды; ибо сам он не понимал, каким образом следовало бы действовать, чтобы добраться до истины.

Через восемь дней после этой катастрофы господин де Вартель, третий сын господина де М....., услышал, как на улице выкрикивают о продаже свежего инжира; он открывает окно, подзывает крестьянина, торгуется, покупает плоды и велит поднять их к себе в квартиру с помощью верёвки, привязанной к корзине, в которой были разложены эти летние фрукты. Получив их, он отправляется разыскать отца, чтобы угостить его; но, узнав, что тот принимает монсеньора епископа Мо, возвращается к себе, съедает шесть фиг и вскоре оказывается охвачен ужасными судорогами. Как только он даёт знать о случившемся, бегут за его женой: она была на мессе. Госпожа де М... посылает за опытными врачами. Те приходят и обнаруживают в инжире ядовитое вещество. В каждый плод было вложено по несколько крупинок тонко истолчённого мышьяка. Несчастный протянул до следующего дня, но наутро испустил последний вздох.

О! На этот раз безутешному отцу понадобилась вся его вера, чтобы не хулить Провидение и не довести самого себя до последней крайности. Совершенно естественный ужас овладевает его семьёй. Двое зятьёв объявляют ему, что желают некоторое время путешествовать. Под этим предлогом они намерены покинуть отравленный дом и увезти жён и детей.

Госпожа д'Оржерель, сестра судьи, перепуганная не менее племянников и племянниц, тоже собиралась удалиться. Но её удержала решительность госпожи де Вартель, молодой вдовы, которая, проливая обильные слёзы, заявила, что боится смерти меньше, чем горя от разлуки с дедом своих детей. Париж восхищается мужеством этой благочестивой невестки, вскоре поддержанной епископом ... , её деверем, старшим сыном, как я уже говорил, который тоже, вместо того чтобы малодушно покинуть отца, поспешил из своей епархии, чтобы разделить его скорбь.

Епископ намеревался провести месяц со своей семьёй. На двадцать третий день он слёг с простудной горячкой. Он велел приготовить питьё из огуречной травы, ююбы, сушёного инжира и розового мёда. Его тётка и невестка обе собственноручно приготовили его в его комнате. Звонят; нужен сахар. Приносят сахарницу из саксонского фарфора. Напиток выпит. Епископ пьёт его несколько раз, и к вечеру появляются новые признаки отравления. Яд действует медленнее, и епископ успевает перед смертью завещать всё своё имущество старшему

сыну госпожи де Вартель с подназначением наследника на случай, если сирота, родившийся от старшего сына, умрёт раньше него.

Я не стану изображать состояние семьи господина де М... после этой последней утраты, отчаяние отца, страх зятьёв и дочерей, возмущение общества, изумление властей и бессильную досаду полиции, яростно тщившейся настигнуть неизвестного отравителя, столь ловкого и столь бездонно преступного. Между тем один слуга, любимец второго сына (господина де Ниора, отца малыша, воспитывавшегося в деревне), однажды утром входит к советнику. Там, бросившись перед ним на колени, он закликает выслушать до конца то, что собирается сказать, и не отвечать отказом.

«Сударь, — продолжал он, — за два дня до смерти вашего третьего сына, господина де Вартеля, я почувствовал, как кто-то сильно тряс меня в постели, и около двух часов ночи, внезапно проснувшись, открыл глаза; каков же был мой ужас, когда я увидел перед собой моего доброго господина, вашего сына, господина де Ниора. Он был бледен и печален; он подал мне знак не бояться, но его жест несколько не уменьшил моего ужаса; затем велел подумать о спасении его сына. „Попроси у моего отца разрешения увезти этого ребёнка далеко отсюда; пусть мой отец, и только мой отец, знает, куда ты его отвезёшь; иначе он умрёт, как скоро умрёт мой бедный брат де Вартель“.

«Произнеся эти слова, видение исчезло. Я упал в обморок и очнулся лишь после восхода солнца. Ни за что на свете я не осмелился бы открыть вам такое, будучи вполне уверен, что вы сочли бы всё это химерой; поэтому я промолчал. Через два дня скончался ваш четвёртый сын. Тогда меня стали терзать угрызения совести, и всё-таки я вновь промолчал. В прошлый вторник, а монсеньор епископ умер позавчера, в четверг, я находился с наступлением ночи в людской, где развели огонь, чтобы варить варенье — запасы на зиму. Сидя в плетёном кресле и погрузившись в размышления, я думал о моём добром господине, как вдруг почувствовал, что он прикоснулся ко мне, наклонился к моему уху, и притом так близко, что его холодное, зловонное дыхание сковало меня ледяным ужасом. — Сен-Жан, — сказал он мне, — так ты, стало быть, не любил меня? — О, как же, господин, — ответил я, — очень любил и до сих пор люблю. — Ну так почему же ты не хочешь доставить мне утешение — увидеть, как мой сын, мой бедный Экзюпер, избегнет смерти?... Смерть угрожает ему точно так же, как она вот-вот поразит моего брата, епископа ...; бедный брат! И он тоже...

«Кто-то вошёл; я не услышал, чтобы кто-нибудь уходил; но голос умолк. Я открыл глаза; это оказался пришедший повар. Он сказал мне:

«— Я не думал, что вы один, Сен-Жан... Странно... Я слышал, как кто-то разговаривал. — Это у меня такая дурная привычка, — догадался я сказать, чтобы ничто не выдало того, что со мной происходило... Мне следовало, сударь, прийти к вам, но меня снова удержала безрассудная робость. Я не поверил второму предсказанию; оно сбылось. Я ещё несколько дней боролся с собой; но страх вновь увидеть призрак и, следовательно, услышать предвестие нового несчастья в конце концов заставил меня исполнить свой долг».

Господин де М... серьёзно выслушал этот странный рассказ. Слуга попросил позволения удостоверить личность ребёнка по одному или нескольким особым знакам, а затем похитить его, увезти в глубь Италии или Германии и там вместе с ним дожидаться лучших времён.

Несмотря на жар, с которым Сен-Жан рассказывал свою историю, судья не мог решиться на столь необыкновенный шаг. Он воспротивился и отложил окончательный ответ на несколько дней. Это был, как я говорил, человек ума и здравого смысла, особенно мало склонный к легковерию и с трудом допускавший, что небо избрало для общения с ним посредником слугу, тогда как прямое предостережение не доставило бы сверхъестественным силам больше затруднений и лучше отвечало бы их цели. К тому же, заговорив лишь после случившегося, не пытался ли этот человек приобрести значение способом, который сделал бы его влиятельной фигурой в

доме? Даже если он лишь впал в помрачение, вполне естественное после стольких несчастий, всё же было трудно доверить столь тонкое дело визионеру.

Между тем госпожа д'Оржерель, сестра советника, в свою очередь пришла сказать брату, что, поскольку ей, как и прочим членам семьи, приходится опасаться насильственной смерти, она желает не быть застигнутой врасплох и заранее распорядиться своим большим состоянием. Она делила его поровну между Экзюпером, сиротой, и юным Амбруазом, сыном добродетельной вдовы господина де Вартеля, поскольку они оставались единственными мальчиками в роду, способными продолжить его. Каждый из двух детей назначался наследником другого в случае его преждевременной смерти. Это побудило общего деда поступить так же, как сестра; и, определив доли своих дочерей, он передал всё своё наследство юному де Ниору, с переходом к его двоюродному брату в случае, если тот умрёт прежде него. Эти двойные распоряжения были доверены достойной уважения вдове, которая, весьма довольная богатой долей, представленной госпожой д'Оржерель её сыну, и великолепной возможностью получить наследство по завещаниям епископа и господина де М..., поклялась перед Богом быть нежной, искренней и преданной матерью несчастному сироте.

Через две или три недели после последнего события было, вероятно, около полуночи, и господин де М..., занятый составлением представления, с которым следовало поспешить, бодрствовал в своём кабинете, когда в дверь, соединявшую кабинет с внутренними комнатами дома, тихонько постучали. Слуги пользовались ею лишь для утренней прислуги или в чрезвычайных случаях. Поэтому судья, удивлённый тем, что к нему явились этим путём, поднялся, подошёл и спросил, кто там. Ему показалось, что назвали Сен-Жана, но он едва расслышал имя, так тихо прозвучал ответ. Он действительно открыл и увидел входящего человека со вставшими дыбом волосами, перекошенным лицом, одетого только в штаны, чулки, башмаки и рубашку. В руке тот держал свечу.

— Ах, сударь! — воскликнул он, — мы погибли; я не смог вас умолить, и смерть госпожи вашей сестры близка. — Что ты говоришь, несчастный? — отвечает его совершенно потрясённый хозяин. — То, что я только что узнал! Мы засиделись в людской, куда Розетта (горничная госпожи д'Оржерель) пришла тайком сообщить нам то, чего, как она полагает, сударь, быть может, ещё не знает. — Что же? — Что её госпожа уезжает в свой прекрасный замок в Бургундии. (Господин де М... и в самом деле этого не знал.) Это заставило нас разговориться; так что полночь застала нас там, а господина Дюма (управляющего) тоже; он рассердился. Мы взяли свои свечи. И вот я поднимаюсь по маленькой винтовой лестнице, как вдруг на третьей площадке, хотя лицо моё было опущено и я смотрел на ступени, я увидел, что свет свечи побледнел и какое-то тело загородило мне дорогу. Сердце моё тотчас сильно забилося; кровь застыла в жилах. Я поднял голову. Это был мой господин... но на этот раз разгневанный, разъярённый; он называл меня плутом, негодяем, скверным слугой, человеком, не преданным дому; велел вновь прийти к вам и послушаться вас, если вы не позволите мне спасти ребёнка-сироту; в таком случае я должен буду похитить его даже у вас самого. Наконец, он жестоко ударил меня палкой, которую держал в руке, и бил с такой силой, что руки у меня наверняка разбиты. «Впрочем, — сказал он перед тем, как исчезнуть, — близкая кончина моей тётки покажет моему отцу, лживый ли я пророк».

Господин де М..., ещё более поражённый этим откровением, чем предыдущими, поскольку оно будто бы сопровождалось побоями, сам быстро засучил рукава слуги и с ужасом, смешанным со страхом, обнаружил на коже чудовищные чёрные, жёлтые, багровые пятна — неопровержимые свидетельства рокового явления. Его неверие получило тяжёлый удар, хотя от остатка сомнений он не отказался тотчас. Чудесное легче овладевает нами, когда мы страдаем. Он был ошеломлён. Он задумался, отпустил Сен-Жана и посоветовал ему пойти отдохнуть.

— Завтра, — сказал он, — в одиннадцать часов, когда я вернусь из дворца, приди сюда той же лестницей, я дам тебе наставления, и ты отправишься в путь.

И действительно, на следующий день Сен-Жан, снабжённый письмами к архиепископу Буржскому, провинциальному интенданту, начальнику конной стражи, гражданскому лейтенанту сенешаля, королевскому прокурору, документами, удостоверяющими личность, и указаниями об опознавательных знаках, которые следовало нанести ребёнку в присутствии достойных доверия лиц прежде, чем совершить похищение, отбыл под предлогом увольнения со службы и возвращения к своему сельскому очагу в далёкой Нижней Бретани.

Его отъезд удивил весь дом, а добродетельную вдову более всех, хотя она и дала понять свёкру, что этому человеку нельзя было вполне доверять. Через два дня горничная госпожи д'Оржерель ушла из дома и не вернулась. Её ждали допоздна; тщетно; но около двух часов утра ужасный взрыв прогремел в смежных покоях господина де М.... и его сестры, разбудил спящих и заставил остальных броситься к месту бедствия.

Действие мины, или адской машины, к счастью, оказавшееся неполным, разрушило стены, опрокинуло перегородки, проломило перекрытия, разбило деревянную обшивку. Двойное покушение угрожало жизни судьи и госпожи д'Оржерель; последняя погибла, но, как полагают, от страха, ибо её нашли отброшенной в угол комнаты без видимых ран, и вскрытие также не обнаружило следов насилия; господин де М..., которому повезло больше, отделался несколькими ушибами. В печи в покоях госпожи де Вартель нашли свёрток с порохом, пулями и кусками железа, меди и битого стекла. Без сомнения, преступник не успел поджечь и его.

Подобное злодеяние повергло весь Париж в ужас и привело полицию в чрезвычайное волнение. Поскольку горничная сестры так и не вернулась и не объявилась, несмотря на предпринятые поиски, было признано несомненным, что именно она служила в доме М.... деятельным орудием самого отвратительного мщения.

Двор и город приходили навестить господина де М.... и его невестку; их поздравляли со спасением от этих происков. Увы! Как печально было это счастье! Отец, лишившийся почти всех своих близких, оставшийся один, вынужденный скрывать своего законного наследника, влачил мучительные дни. Наконец, он с нетерпением ожидал известий от слуги, когда невестка, войдя к нему в состоянии крайней скорби, сообщила, что её управляющий пишет из её имения в Берри: какой-то незнакомец похитил юного Экзюпера и его напрасно пытались разыскать.

Господин де М... из чрезмерной осторожности, которой сам стыдился, поначалу колебался, следует ли рассказывать невестке о своей роли в случившемся. Его верный слуга от имени призрака потребовал хранить тайну даже от ближайших родственников — обстоятельство, которого я прежде не упомянул, но теперь напоминаю. Однако, стыдясь поступать так с женщиной столь добродетельной и преданной, он поведал ей обо всём происшедшем. Госпожа де Вартель с радостью приняла это признание; она одобрила чрезмерную предосторожность. Затем она заметила свёкру, что он напрасно желает остаться единственным хранителем подобной тайны; разве не может он сам пасть жертвой их непримиримого врага? Тогда судьба наследника столь огромного состояния окажется во власти человека низкого положения. Дочери господина де М.... и его зятя будут вправе оспорить личность ребёнка, свидетельством о которой окажутся одни только слова Сен-Жана. Судья ответил невестке, что она права и что сейчас же сделает доверенными лицами в этом деле своего брата-подполковника и первого президента парламента.

— Мне казалось, — возразила госпожа де Вартель, — что я заслуживаю большего доверия со стороны моего отца.

— Дочь моя, единственное препятствие здесь — ваш пол; вы понимаете, что перед судом показание господина первого президента будет иметь совсем иной вес, чем ваше. Я должен предвидеть возможные споры, как вы столь справедливо мне заметили.

Госпожа де Вартель удалилась не вполне удовлетворённая; доводы, приведённые судьёй, были слишком откровенны, чтобы она могла настаивать.

Однажды вечером привратник особняка под большим секретом предупредил господина де М...., что Сен-Жан, вернувшийся из дома, просит с ним поговорить. Судья велел впустить его, и этот человек сообщил ему, что не нашёл лучшего места для укрытия своего подопечного, чем сам Париж. Он поручил его одной из своих сестёр, жившей на здоровом воздухе, на горе Святой Женеьевы; оттуда он сможет присматривать за ним лучше, чем находясь далеко; однако, всё так же именем призрака отца сироты, господину де М.... запрещалось посвящать в тайну кого бы то ни было из членов семьи.

Сен-Жан, которому хозяин не посмел признаться, что почти полностью открыл тайну невестке, вновь поступил на службу. Прошло несколько недель, и однажды утром этот слуга появился у господина де М...., когда тот вставал, но был бледен, а лицо его искажали жестокие боли.

— Именем Бога! — воскликнул он, — пошлите за господином генеральным прокурором (парламента), господином гражданским лейтенантом и генерал-лейтенантом полиции; я должен сделать перед ними очень важное заявление. Торопитесь, я быстро умираю; сильное противоядие приостанавливает действие, но не уничтожит мерзкого яда, который убивает меня.

Эти слова поразили господина де М....; он сам выходит из дома, в то время как его брат по просьбе Сен-Жана остаётся при нём, ибо слуга умоляет не оставлять его наедине ни с кем. Сен-Жан спрашивает, где госпожа де Вартель.

— В церкви, — отвечают ему; — сегодня у неё день причастия, она причащается.

Услышав этот ответ, Сен-Жан разражается двумя или тремя взрывами смеха. Судья, слишком склонный теперь искать разгадку окружавшей его ужасной тайны, приводит не только названных высокопоставленных лиц, но также господина первого президента и двух членов парламента, которых застал у генерального прокурора. Перед этим строгим собранием Сен-Жан рассказывает следующие обстоятельства.

Госпожа де Вартель, ненавидевшая своего мужа, желала одновременно неизмеримо увеличить своё состояние и овдоветь, чтобы вновь выйти замуж за герцога и пэра, тайно любившего её, но согласившегося бы на брак с нею лишь в том случае, если бы она сделалась сказочно богата. Чтобы достичь обеих целей, она должна была действовать так, чтобы соединить в руках её сына все наследства его предков и избавиться от мужа. Вследствие этого она принялась изучать яды; и прежде всего, чтобы как можно дальше отвести подозрения, которые могли бы сосредоточиться на обитателях дома, она за пять луидоров заказала одному писцу с кладбища Невинноубиенных — Сен-Жан назвал его имя, а впоследствии писца допросили и свели лицом к лицу с преступницей — письмо, так озадачившее господина де М.... Затем, склонив на свою сторону его, Сен-Жана, она получила возможность вместе с ним одну за другой устранять все жертвы. Именно она, воспользовавшись удобным случаем, отравила инжир, купленный её мужем, за то время, пока он ходил к отцу. Затем, выйдя из особняка через дверь, ведущую в соседнюю улицу, она отправилась в церковь дожидаться успеха этого дерзкого удара.

Между тем чем больше преступлений совершалось в этом доме, тем менее Сен-Жан мог к ним привыкнуть, зная, что погибнет, если обвинит сообщницу; не имея, кроме того, ни единой улики против неё, он выдумал историю о явлении своего прежнего хозяина. Он дошёл даже до того, что жестоко избил самого себя палкой, чтобы убедить господина де М.... Он знал, что эта ужасная женщина, имея в своей власти первого наследника семьи, умертвит его лишь после того, как он унаследует состояние близких и деда, потому что тогда её сын, за отсутствием первого, окажется единственным представителем мужских ветвей рода; но как только столь большие богатства перейдут к нему, мать отнимет их у него, чтобы завладеть ими самой. Таким образом, сделав так, чтобы юный Экзюпер де Ниор исчез, — Экзюпер, которому Провидение

позволило родиться столь некстати для успеха её адских замыслов, — можно было обратить в ничто и сделать бесполезными убийства госпожи де М... и её сестры.

Госпожа де Вартель, желая, чтобы подозрение в дерзком покушении, при котором её свёкор и госпожа д'Оржерель должны были погибнуть от взрыва мины, не могло коснуться её, подготовила это преступление не менее ловко, чем остальные. Несчастную горничную госпожи д'Оржерель, усыпленную опиумом, эта фурия собственноручно похитила ночью из постели и, нанеся несколько ударов кинжалом в сердце, бросила в подземный колодец, находившийся в одном из подвалов особняка, где её и нашли. Затем она устроила в собственных покоях искусственную мину, которую не подожгла и которая, будучи впоследствии обнаружена, заставила думать, будто покушались на её собственную жизнь. Именно её рука подожгла устройство, взрыв которого стал причиной смерти госпожи д'Оржерель. Сен-Жан до отъезда ничего об этом не знал; но по его возвращении эта женщина, виновная в убийстве родственников, пытаясь вновь склонить его на свою сторону, доверила ему и эту последнюю тайну.

Взбешённая тем, что ни от господина де М..., ни от Сен-Жана не могла узнать, где скрывается ребёнок, составлявший для неё главный предмет заботы, она решила избавиться от сообщника, надеясь, что вместе с ним исчезнут следы её племянника и что по меньшей мере удастся оспорить гражданское состояние ребёнка. Сен-Жан, не доверявший ей, больше не питался в доме; он не мог понять, каким образом она сумела дать ему яд.

В то утро он почувствовал, что носит смерть в собственной груди. Тотчас он проглотил сильное противоядие, недостаточно действенное, чтобы спасти его, но способное настолько отсрочить конец, чтобы смерть наступила уже после возмездия. Этот человек указал места, где можно было найти остатки ядов или адских машин, которыми пользовалась госпожа де Вартель. Он назвал торговцев снадобьями, евреев, аптекарей, поставлявших исходные вещества; наконец сообщил, где можно захватить бумаги, которые окончательно прояснят дело в глазах слушателей.

Вскоре Сен-Жан стал угасать и испустил дух в тот самый час, когда святотатственная женщина возвратилась домой из монастыря Минимов на Королевской площади, где осмелилась причаститься. Неожиданно арестованная и под вымышленным именем отправленная в отдалённую тюрьму, она не смогла пережить своего позора. Она повесилась на шёлковом платке и, должно быть, претерпела страшные мучения перед смертью, ибо жестоко боролась со смертью, как свидетельствовали многочисленные ушибы, которыми было покрыто её тело.

Это происшествие, ужасное во всех подробностях, чрезвычайно занимало полицию; оно послужило причиной усиленных преследований и розысков отравителей обоого пола, которые, казалось, намеревались возродить зловещие времена Бренвилье и Ла Вуазен. Предпринятые по этому поводу усилия привели к раскрытию отвратительного заговора против королевской семьи в пользу Орлеанского дома.

Прежде чем читатель возмутится этим обвинением, столь часто звучавшим в истории и столь охотно рассматриваемым как приём партийной ненависти, ему следует задуматься над следующими печальными словами господина де Сартин:

«Когда случается убийство, когда происходит отравление, самым коротким путём для хорошей полиции было бы немедленно арестовать всех родственников жертвы. Клевета, ссоры и тяжбы, для которых семья служит обычным полем битвы, достаточно ясно свидетельствуют самой оглаской своих скандалов, что именно к этому источнику следует обращаться за причинами таинственных событий и большей части катастроф. Семья живёт среди нас под защитой репутации добродетели, усомниться в которой страшится судейское сословие. Семья — собрание преступлений, арсенал бесчестия!.. Лицемерие ложных ласк, которыми в ней расточительно обмениваются, перешло в язык пустых мечтателей. Они сочиняют на эту тему чувствительные романы. В семье из двадцати человек полиции следовало бы разместить сорок шпионов».

Если исходить из этих слов господина де Сартина, то что же должно происходить в княжеских семьях, где к семейным интересам примешиваются политические?

Мы ещё вернёмся к заговору, обнаруженному благодаря рассказанной выше истории; это обстоятельство весьма необыкновенное и достойное изложения. Все документы, подтверждавшие его, находились, как сказал мне господин Лемуар, в секретных архивах полиции в начале Революции, когда их и заставили исчезнуть. Господин Лемуар читал их, и именно от него я узнал то, о чём расскажу в следующей главе.

ГЛАВА XXVIII

Сын Регента. — Его первая любовница. — Женидьба. — Причуды целомудрия. — Королевские приказы под печатью один за другим. — Янсенисты. — Разоблачение. — Бочка для цареубийства. — Священные испражнения. — Швейцарец, страдавший запором. — Вывеска «Три рога носца». — Четвёртый. — Семья Бадуре. — Явление дьякона Пари. — Небесные тайны. — Как женятся святые. — Хозяйство Троицы. — Святой возвращается на небо. — Конец янсенизма и конвульсионеров.

Господин Регент, отец нескольких дочерей и разных незаконнорождённых детей (из которых один под именем шевалье Орлеанского был назначен командующим галерами, а другой, именуемый аббатом де Сен-Альбенем, был посвящён в сан князя-архиепископа Камбре), имел лишь одного законного сына, родившегося от брака этого принца с дочерью Людовика XIV и госпожи де Монтеспан, рождённой в результате двойной супружеской измены.

Претендовать на чтение нравственных наставлений, говоря о господине Регенте и его шалостях, было бы по меньшей мере весьма неуместно. Этот человек принадлежит истории; и та точка зрения, с которой мы представляем его здесь, основываясь на полицейских документах, избавляет нас от необходимости проявлять строгость, о которой мы предоставляем позаботиться читателю, опасаясь самым зайти слишком далеко.

Политика такого отца в отношении детей должна была состоять в том, чтобы пустить их в жизнь так, дабы ему никогда не пришлось краснеть ни перед одним из них. Он сумел воспитать их по своему образцу. Их склонности располагали к этому; а поскольку могущество ставило их выше нравов, они не упускали случая соперничать с отцовской славой. Если наслаждение есть порок, то сама природа прежде всего влечёт нас к нему. Их воспитание должно было необычайно развить этот зародыш. Бог дал нам лучшие из наших способностей; то, что мы добавляем к ним от себя, их не портит.

Итак, первой любовницей господина герцога Шартрского сделали молодую, красивую и очаровательную актрису Оперы, старшую мадемуазель Кино.

Эта актриса, умершая лишь в 1793 году в возрасте около ста лет и ставшая законной супругой господина де Невера, герцога и пэра Франции, благодаря своему уму, сдержанности и искусному поведению играла важную роль в минувшем столетии. Я не стану рассказывать её историю, хотя о ней можно было бы поведать немало весьма пикантного; в этой главе речь пойдёт лишь о её любовнике.

Герцог Шартрский, женившийся в молодости на принцессе Баденской, умершей после двух или трёх лет брака, должен был, казалось бы, естественным образом продолжить поприще распутства, на которое вывел его отец. Едва достигнув юности, он по одной из тех крайностей, которые столь обычны для людей, во всём склонных к излишествам, предавался преувеличенному, чрезмерному и настолько нелепому благочестию, что превратил в предмет непрестанного соблазна то, что могло бы служить примером назидания. Как бы могущественны ни были принцы, они не свободны; их окружает зависть, и злословию всегда найдётся чем больно задеть их. Предаваясь распутству, они сердят набожных; предаваясь религии, навлекают на себя философскую братию. Людям нравится произносить обличительные речи за их счёт. Мы предлагаем читателю свод всех злобных нападок, главным рассадником которых служит именно полиция; и читателю следует ожидать немало черноты. Принято считать, что принц

не может сделать ничего невинного; да и к тому же, если бы вельмож не поносили по любому поводу, торговля шпионскими сведениями пришла бы в полный упадок. Что стало бы тогда со злословием? Доносчики — кормильцы ригористов. Эти мемуары предоставят им такую возможность. Мы не желаем смерти ригористам.

Первое помешательство герцога Шартрского заключалось в том, что он не признавал ничего рождения и ничьей смерти, если только королевский приказ под печатью не повелевал ему в это поверить; к королю он даже посреди своих странных мономаний неизменно сохранял уважение, благодаря которому его удавалось уберечь от множества глупостей. Первую такую глупость он совершил после смерти отца. Господин Регент умер в декабре 1723 года. Его двадцатилетний сын мог бы захватить управление делами; но для этого ему пришлось бы признать возможность смерти этого принца, когда ему сообщили о ней. Тех, кто пытался утешить его и вместе с тем пробудить в нём честолюбие, он называл плутами и наглецами.

Потребовался королевский приказ под печатью, чтобы он принял титул герцога Орлеанского. В первую брачную ночь понадобился другой такой приказ, чтобы заставить его лечь рядом с женой. Но третий оказался необходим, чтобы побудить его исполнить супружеский долг. Если это всего лишь побасёнка, то выдумана она удачно. Примерно в то же время благочестие захлестнуло его настолько, что окончательно лишило рассудка. Смерть супруги, в которую он также не пожелал поверить, сделала его очень несчастным; до конца жизни он велел позвать госпожу герцогиню Орлеанскую: она не приходила, он сердился. Тогда ему говорили, что король задерживает её в Версале для службы королеве, и это его успокаивало.

Однажды, однако, избыток той же жизненной силы заставил его настолько горячо пожелать присутствия жены, что он отправился в Версаль просить короля позволить ему поговорить со своей половиной. Ему сообщили, что Людовик XV согласен, но с условием, что принцесса явится к нему под вуалью. Эту роль сыграла одна девица. Подлость заключалась в том, что её выбирали столь небрежно, что она заразила его болезнью, которой он, право же, должен был заболеть позже всех прочих. Было ли это сделано нарочно? В таком случае шутка вышла довольно скверной.

Однажды, когда избыток всё того же здоровья весьма бойко обозначился под его короткими штанами, он так устыдился, что с той минуты стал надевать поверх штанов бочарный обруч, крепко закреплённый вокруг бёдер, поверх которого ниспадала широкая и плотная юбка из грубого шёлка. Опасались, как бы в приступе аскетизма он не вздумал последовать примеру Оригена. Он ограничился этой системой стеснения, которая не всегда достигала цели, и именно в таком наряде сопровождал по улицам святыне дары к умирающим, входил в дома тех, кто лежал при смерти, и произносил перед ними речи. Одному Богу известно, какое невольное веселье вызывало это одеяние и какой соблазн из него проистекал; словом, понадобилось множество королевских приказов под печатью, чтобы воспрепятствовать ему исполнять обязанности священника в торжественные минуты.

Разумеется, если в ту эпоху во Франции и существовало нечто достоверно установленное, то это было постоянное состояние душевного помрачения господина герцога Орлеанского. Поверят ли, что тем не менее нашлись партия и секта, настолько глупые и настолько далёкие от здравого смысла, что они попытались возложить на его голову королевскую корону, завладеть которой не решился его отец?

Я уже говорил или должен был сказать, что господин сын Регента, герцог Орлеанский, как и его отец, прозванный Сент-Женевьев, поскольку он удалился жить и умереть в монастырь с таким названием, был одержим благочестием подобно тому, как его сёстры были одержимы распутством. Это благочестие, безумное и превратно понятое, вследствие самой своей чрезмерности обратилось к преувеличенному или, вернее, выродившемуся янсенизму; ибо от возвышенных и глубоких наставлений Арно, Николя, Паскаля, Сен-Сирана и других дошли до нелепостей конвульсионеров.

Основанные папами, подавляющим большинством Церкви, епископами, кардиналами, Сорбонной, приходскими священниками, белым и монашествующим духовенством (чего мы отнюдь не приводим как окончательного доказательства того, что они были безумнее остальных), янсенисты, упустив из виду строгую нравственность своих наставников, дошли до того, что стали принимать за доказательства превосходства своих взглядов судороги, прыжки, словно у карпов, святотатственные распятия, нечестивое и непристойное облегчение страданий ударами поленьев, железных прутьев и тому подобного; и всё это ради мнимых больных и фокусников, позоривших католицизм. Такое помешательство господствовало тогда в янсенизме, покинутом разумными людьми, но поддерживаемом кухарками и безумцами, во главе которых стоял господин герцог Орлеанский Сент-Женевьев. Словом, янсенизм скатывался к демократии; это и должно было нанести ему смертельный удар.

Радость и гордость от того, что среди их толпы находится первый принц крови, внушили жалким безумцам нелепую и преступную мысль возвести на престол нового Давида, который всё же не вполне обладал задатками Соломона. Господин Эро занимал должность генерал-лейтенанта полиции, когда к нему пришёл некий человек и, рыдая и ударяя себя в грудь, признался, что занят убийством короля.

— Как! Убийством короля, несчастный? И каким же образом, позвольте спросить: употребляется яд, железо?..

— Нет, монсеньор, чудо исходит свыше; за это дело взялся блаженный святой Пари. Вот каким образом: мы, наши братья и сёстры, после зрелого обсуждения пришли к согласию, что Франция не станет процветающей, умиротворённой, богатой и уважаемой, пока не будет отменена булла «Унигенитус» и отозвана сто одна статья, извлечённая из Янсения. А чтобы добиться такого результата, надлежит призвать на престол могучего, сильного, второго Кира, второго Александра, образец принцев, избранника монархов; одним словом, монсеньора герцога Орлеанского, столь целомудренного, что он ходит по городу без штанов, столь могущественного, что упразднил смерть. Но поскольку, с другой стороны, престол занят сыном зверя, мы попросили блаженного Пари избавить нас от него; мы изготовили восковую фигуру в человеческий рост, изображающую этого Нимрода, Людовика XV; поставили её стоймя в огромную бочку, глубоко врытую в землю, и каждый день те из наших братьев и сестёр, кто пребывает в состоянии благодати, отправляют туда свою малую нужду, а содержимое бочки старательно размешивают костью левого предплечья пресвятого дьякона. На основании откровений, ниспосланных сестре Франсуазе, принято за догмат веры, что, когда эта человеческая жидкость поднимется выше головы куклы, та, лишившись воздуха, исчезнет, а мнимый король Людовик XV, одновременно задохнувшись от собственных пороков, испустит дух. Я принадлежу к числу тех, чья благословенная моча употребляется для этого великого дела; но поскольку со мной поступили несправедливо, высеки меня на общем празднике священных испражнений лишь пятым вместо третьего, как полагалось мне по старшинству, я сказал своим братьям и нашим сёстрам «рака» и пришёл рассказать вам обо всём.

Сей добрый человек изложил всё это самым ясным тоном; он рассуждал совершенно бессмысленно с величайшей серьёзностью.

Хотя генерал-лейтенант полиции понимал, что разговаривает с дураком, священное имя короля, впутанное в эту зловонную нелепицу, заставило его всерьёз отнестись к событию, над которым следовало бы посмеяться. Для начала он пожелал узнать, что такое священные испражнения. Отступивший от секты конвульсионер поведал ему, что некий швейцарец, страдавший запором восемь дней и совершивший девятидневную молитву у гробницы блаженного дьякона Пари на кладбище Сен-Медар, едва получил с небес счастливое внушение приложить свой обнажённый зад к надгробию августейшего исповедника, как оно тотчас покрылось столь обильным извержением, что все явственно усмотрели в этом перст святого дьякона. Вследствие чего священные испражнения, собранные в позолоченную серебряную урну, в праздничные

дни выставлялись для поклонения верующих; те, кто с сокрушением и верой вдыхал их запах, испытывали великое облегчение своих физических и нравственных мук (1).

(1) Именно по поводу этого чуда иезуиты сочинили следующую жалобную песенку:
Швейцарец, малость глупый,

Не мог пок...

И взял себе в голову,

Что некий колдун

Из злобы

Заткнул отверстие его ж...

Лантюрюлю, остроконечный колпак.

Увидев его в беде,

Один из друзей

Сказал ему: «Совершай девятидневную молитву

Великому святому Пари,

Чтобы он тебя исцелил;

Ступай покажи ему свою ж...»

Лантюрюлю, остроконечный колпак.

К святому тотчас же

Он направляет стопы;

Там, не мешкая,

Спускает штаны.

На святую могилу

Осторожно кладёт свой з...

Лантюрюлю, остроконечный колпак.

На святой могиле

Тотчас можно видеть,

Как падает исп...

И, поднимаясь,

Образует пирамиду,

Что тянется от земли до н...

Лантюрюлю, остроконечный колпак.

После этого собирают

Священные испражнения,

И затем заключают их в раку

С великим благоговением.

Кто их понюхает,

Никогда не узнает боли в ж...

Лантюрюлю, остроконечный колпак.

Господин Эро не мог постичь такой степени глупости и отправил своих лазутчиков, которые благодаря сообщённым им парням были допущены к поклонению священным испражнениям и к погружению статуи короля в человеческую жидкость. Статую забрали, разбили, уничтожили, а нескольких безумцев, замешанных в этом тошнотворном заговоре, заключили в Бастилию.

Весьма странным было безумие этих конвульсий; нелепое зрелище, на которое, однако, спешили знатные господа, именитые дамы, люди науки и выдающихся военных дарований. Подобие гонений, на которые они жаловались, ничуть не мешало их успеху; напротив, удовольствие считать правительство нелепым само толкало людей в нелепость. Никого не было так легко обманывать, как янсенистов, и среди множества проделок, которые с ними проделывали шутники, я приведу две, найденные мною в полицейских протоколах того времени.

На мосту Сен-Мишель, под вывеской «Три рогоносца», находилась лавка чепцов, хлопчатобумажных чулок и прочего подобного мелочного товара, которую держал добрый парижский буржуа по имени Марсель-Эташ Панье. У этого господина была очень хорошенькая жена, чрезвычайно склонная к любовным приключениям, но содержимая под строгим присмотром супругом, одним из усерднейших приверженцев янсенизма и ревностным пособником конвульсионеров, к тому же ревнивым, и не без причины. Однако с некоторых пор его жена, возвратившись на путь Господень, неукоснительно следовала многочисленным дурачествам секты.

И вот одним прекрасным утром появляется честный человек, то есть скверно одетый плут с длинными, прямыми, сальными и грязными волосами, с косящими глазами и растянутой речью, складывавший руки на груди и никогда не начинавший говорить, не оглядевшись предварительно, нет ли поблизости ложных братьев, шпионов-иезуитов, которые за ним следят; этот честный человек, говоря я, входит к господину Панье; он сообщает, что ищейки господина Эро напали на след одной сестры, весьма искусной в помощи крестом, поленом и тому подобным, и что эта бедная женщина, за которой устроили настоящую погоню, не знает, где найти убежище. Добрые люди, которым известны благочестивые достоинства господина Панье, подумали о нём и надеются, что он согласится приютить мученицу святого дела. Добряк, чрезвычайно польщённый этим предпочтением, отвечает утвердительно; и в тот же день, с наступлением сумерек, к нему приходит молодая особа, которую почти невозможно разглядеть из-

за множества укутывающих её чепцов. Глаза её опущены, походка медленна, речь тягуча, а мысли заняты одним Богом; это ангел.

Так прошло несколько дней, в течение которых госпожа Панье пристрастилась к конвульсиям сверх всякой меры. Она проводила целые часы в уединённых беседах с сестрой Сен-Сиран; таково было её благочестивое имя, тогда как в миру её проще представляли как мадемуазель Жавотту Лоремер.

Папаша Панье, восхищённый благословением, которое новоприбывшая принесла в его дом, очень хотел бы быть допущенным третьим к продолжительным усердным молитвам, которые его супруга и постоялица посвящали святому Пари; но его отталкивали с упрёками, что он недостаточно чист и что он сатир; он-то, милый человек!..

Запретный плод оттого лишь слаще. Господину Панье пришла мысль просверлить стену комнаты благочестивой сестры Сен-Сиран, чтобы собственными глазами участвовать третьим в благочестивых упражнениях. Отверстие, проделанное буравом, было направлено прямо на молитвенный аналой, у которого, несомненно, обе дамы должны были преклонять колени; но оттуда прекрасно была видна и кровать, и на ней ревностный янсенист увидел... Кровь застыла у него в жилах; поначалу он заподозрил любовь в духе Сафо, отчего краска бросилась ему в лицо; но незнакомка при одном из своих движений показала себя с такой определённой, что нравственные принципы госпожи Панье были блистательно оправданы, хотя бедному мужу от этого было не много пользы. Он принялся издавать пронзительные крики, и всё открылось.

Это был тяжёлый крест для братьев и сестёр. Из общины изгнали даму, которая заставляла подобным образом переодеваться своих любовников, а также изгнали и неудачливого супруга из-за ужасного скандала, произведённого им, и однодневного торжества, которое его вопли доставили молинистам. В самом деле, разве не мог он ради общего дела мужественно нести свой крест и молчать? Мужья прежде всего остаются мужьями; вот их глупость. Перейдём ко второй истории.

На улице Сен-Мартен, на втором этаже, проживала семья добропорядочных буржуа, бывших торговцев полотном, отошедших от дел с достаточным состоянием; около двадцати тысяч ливров предстояло некогда разделить после смерти старших между двумя дочерьми, хорошенькими святошами, на редкость глупенькими и ещё более одурманенными янсенистским помешательством их отца, матери, дяди и тётки; всё семейство считало господина Карре де Монжерона живым столпом Церкви, а господина Арно — последним из западных учителей.

Они не пропускали богослужений в церквях Сен-Северен и Сен-Медар, пробирались на все собрания конвульсионеров и прочие нелепые церемонии подобного рода. В то же время в Париже жила некая графиня д'Отвиль, которая, несмотря на своё красивое имя, тоже принадлежала к числу «честных людей». Ибо не существует настолько глупой партии, чтобы её приверженцы не именовали друг друга честными людьми в ущерб всем прочим; не было бы удовольствия обладать добродетелью, если бы это не достигалось за чей-то счёт. Когда человек хвалится перед вами своей добродетелью, тотчас вызывайте его на дуэль, ибо это оскорбление. С госпожой графиней д'Отвиль драться было невозможно, и потому ей позволяли болтать вздор. В сущности, это не имело бы значения, если бы она не принуждала своего единственного сына, девятнадцатилетнего кавалера, любителя академии продажных девиц и прочего, ежедневно сопровождать её повсюду, где устраивались сцены утешения и духовного назидания.

Бедный виконт д'Отвиль, настоящий мученик, медленно умирал от необходимости притворяться лицемером и зевать на благочестивых собраниях, достоинств которых его распутный ум нимало не ценил. Его тащили туда, переодетого ради покаяния в простолюдина, без парадного кафтана, без красных каблучков и шпаги, а прекрасные волосы были спрятаны под нелепым и отвратительным париком из грубых спутанных прядей; и всё это ради умерщвления плоти.

Эдуар, виконт д'Отвиль, поразительно красивый, остроумный, как бес, и дерзкий, как паж, позволял водить себя в священное собрание, куда являлись монсеньор герцог Орлеанский, двое или трое Ларошфуко, пара Монморанси, затем герцогиня де Бриссак, госпожа де Сен-Симон, господа Лекок, Катр-Су, Карре, все советники Парижского парламента старой закалки, хотя и не столь высокого полёта, как Анжорраны, первые Сегье, Николаи и прочие; наконец, шевалье де Фоллар, гениальный военный и своего рода идиот, когда речь заходила о янсенизме.

Благородную часть собрания поддерживали с десятков докторов Сорбонны, спорщиков по природе и конвульсионеров лишь ради того, чтобы иметь предмет для прений; священники, люди учёные и угрюмые; два или три парижских кюре; две дюжины монахов, нарушавших мир монастырской жизни своими религиозными распрями. Что делать с монастырской жизнью, если не ссориться во имя доброго Бога? Святые отцы были настоящими бесами, когда дело касалось завоевания небес.

Основная масса собрания, подлинное его ядро, состояла из бывших книготорговцев, прежних церковных старост, изгнанных интригами с почётной скамьи, и купцов, живших на ренту после прекращения торговли. В ту пору банкротства ещё не считались почтенным способом распрощаться с публикой, хотя правительства сами не отказывали себе в этом удовольствии; но ведь правительства имеют на это право, а это совсем другое дело. Наконец, приходили экономки, управительницы в хозяйствах аббатов, каноников и холостяков и кухарки; о, прежде всего кухарки, эта низшая полиция мелких хозяйств, эти моралисты самого низкого разбора, среди которых преимущественно набирается армия набожных людей, готовых поверить чему угодно, разносить глупости, ложные слухи, ненависть, собирать материалы для мелочных обвинений против первого встречного, не понравившегося кружку сообщников. Стоило обратить внимание на то, как толпа, наживавшаяся на хозяйских покупках, поняла янсенизм; она с головой бросилась в конвульсии. В ту пору ни один иезуит, пожалуй, не получил бы дружеского бульона даже на самой бедной кухне столицы. Известно, что иезуит тогда был всеобщим любимчиком, непременным украшением кухни и буфетной. Несколько позднее увлеклись спаниелями. Но продолжим.

Можно вообразить, как скука терзала элегантного виконта д'Отвиля, единственного человека своего круга, который находил здесь среди ровесников только приказчиков и рабочих, несомненно весьма достойных людей, но мало с ним сходных. Он зевал... он так зевал в собрании, что возмущал присутствующих, навлекая на себя испепеляющие взгляды аббата Лорана, руководителя малой церкви, увещевания аббата Пюселя, советника парламента, и периодические ссоры с графиней, своей матерью.

Он уже готов был отправиться к Господу от скуки и подавляемых приступов удушья, когда заметил в углу двух очаровательных созданий, которые с такой энергией протестовали против буллы, что назидали всё собрание. Он стал рассматривать их, бродить вокруг них, приглядываться ко всему семейству, а именно к господину Бадуре-отцу, двум его сёстрам, мадемуазель Бадуре, из которых младшей было пятьдесят семь лет, а старшей шестьдесят; к госпоже Бадуре, урождённой Мерливье, появившейся на свет в законном браке секретаря судебной Палаты по налоговым делам, и к мадемуазель Роз и Тонтон, или Туанетте, или Антуанетте; последним двум вместе было ровно тридцать семь лет и один месяц.

У Бадуре только что отужинали; мадемуазель Схоластика, младшая из старших сестёр, светоч дома, сочиняла благодарственную молитву, перемежая её похвалами матери Анжелике Арно и проклятиями Обществу Иисуса, когда в трубе камина раздался ужасный трубный звук. Бадуре при этом неожиданном шуме не знали, наступает ли конец света или какой-нибудь ангел, возвращаясь на небо до закрытия врат, развлекается тем, что угощает честных людей божественной музыкой. Но насколько сильнее стало их удивление, когда из камина послышался также чистейший и звучнейший голос, произнёсший приблизительно следующее:

«Слава в вышних Богу, и на земле мир людям доброй воли. Сим да будет вам ведомо, о Бадуре, столь возлюбленные Господом, что святой Пари завтра в тот же час посетит вас без церемоний. Ему многое надлежит поведать вам относительно буллы; но вы ничего не узнаете, если повторите хоть одно слово из всего сказанного».

«Слава» звучит снова, и труба опять гремит. Собаки воют по соседству, а все соседи либо высовываются из окон, либо выбегают на общую лестницу с подсвечниками или лампами в руках; в огромном доме, где живут Бадуре, царит небывалое волнение; не потому, что кто-либо, кроме заинтересованных лиц, слышал произнесённые слова, но потому, что не услышать куда более громкого призыва воинственного инструмента было невозможно.

Бадуре, хотя среди них и находилось пять женщин с одной головой на всех, в первый день сумели сдержать радость. Всю ночь почти никто не спал. Тысячу раз разглядывали гравированные и гипсовые изображения дьякона Пари и накрепко запечатали в памяти его непомерный нос и блаженную физиономию. На другой день в его честь выслушали мессу; затем честное семейство, собравшись словно на собор, стало обсуждать, как следует принять достопочтенного дьякона. Решили предложить ему выпить. Купили большую сервелатную колбасу, половину заячьего пирога, майнцский окорок, телячью корейку, ванильный крем, яблочные пончики, бутылку фронтиньянского вина и два больших горшка святой воды, чтобы питьё было достойно остального угощения. Накрыли стол, постелили белое полотно, расставили несколько серебряных предметов; затем при четырёх свечах, освещавших ужин, и ещё двух в канделябрах на камине стали ожидать человека Божия с трепещущими сердцами. Если этот фарс с тех пор повторялся, то лишь потому, что легковерие невежд остаётся неизменным. Несмотря на притязания современников относительно прогресса и просвещения, мы полагаем, что это предание ещё не раз вдохновит обольстителей и воров. Когда дело ограничивается одними обольстителями, беда лишь наполовину беда.

На берегах Сены непогода — обычное дело. В ту ночь дождь лил потоками; ветер свистел с такой силой, что, при некоторой готовности поверить, никто из находившихся в квартире не усомнился бы, что небесный гром возвещает сошествие любимца Божия на землю.

Все как следует принарядились. Четыре незамужние девицы надели платья из гургурановой ткани цвета луговой зелени с жёлтой и красной отделкой, что составляло ужасно кричащее сочетание, однако тётки нашли его великолепным, а племянницы приняли как необходимость. Господин Бадуре был в кафтане из тонкого сукна коричневого цвета, с подкладкой льняного серого оттенка, украшенном золотыми бранденбурами, в жилете, переливавшемся серебром и зелёной мишурой, с серебряными пряжками, красных шёлковых чулках с зелёными клиньями и коротких штанах из той же ткани, что и кафтан. Мать семейства носила креповую причёску высотой в восемнадцать дюймов, покрытую газовым чепцом, отделанным кружевами, и голубую пелису из ткани «кенз-сез», подбитую куницей, — наряд, который не раз заставлял вздыхать дородных дам с рынков и улиц Сен-Мартен и Сен-Дени. Каждая особа женского пола сверх того держала в руке «ураган» — разновидность веера чудовищной величины, настоящую переносную перегородку, за которой женщина могла устроить засаду и на время укрыться от чужих глаз.

Бадуре, люди аккуратные, не сомневавшиеся, что на небесах ложатся спать рано, как они сами на земле, назначили прибытие святого на семь часов вечера. Каково же было всеобщее разочарование, когда последовательно пробило семь, восемь, девять и десять часов, а ничто ещё не предвещало ожидаемого посещения небесных духов, ради которых возносились молитвы. Ожидание уже начинало казаться долгим. Приближалось одиннадцать, и все уже опасались, что святой Пётр не пожелал одолжить посетителю отмычку от райских ворот для возвращения обратно и что визит придётся отложить, когда вдруг в наружную дверь квартиры раздалось «тук-тук».

Служанку отпустили ещё засветло. Открывать пошли девушки, и сердца их сильно забились. Кто-то быстро распахнул створку, вошёл, снова закрыл её и сбросил плащ... Двойной крик удивления, восхищения и любви вырвался у двух девственниц при виде не уродливого, печального, тёмного и грязного божка Пари, каким его изображали на портретах, но милого, очаровательного, прелестного лица, стройного, ловкого, гибкого стана и столь свежего, сверкающего наряда из шёлка, газа, цветов и расшитой блёстками ткани, который предстал их взорам.

— Аве, мои милочки! — говорит святой, и нежная улыбка обнажает зубы, настоящие жемчужины; — аве, мадемуазель Бадуре; аве, сударь и сударыня, от моего имени и от имени ваших святых покровителей и покровительниц, которые поручили мне напомнить вам о них.

И вот ему отвечают в соответствии со строгими правилами «Детской и благопристойной учтивости» — книги, тогда весьма употребительной, служившей в Маре руководством по этикету, которую читала, заучивала, обдумывала и комментировала вся почтенная буржуазия, почерпавшая из неё превосходные правила поведения. Дедушка с бабушкой, усадив блаженного дьякона в кресло из трёхцветного лампаса с золотыми гвоздиками, взятое утром напрокат у обойщика напротив, дедушка с бабушкой, говорю я, завладевают беседой и осведомляются о здоровье Бога Отца, Сына, не забывая Святого Духа, госпожи Девы Марии, святого Иосифа и прочих.

Разговор оживляется. Господин Бадуре утверждает, что дорога возбуждает жажду; он предлагает святому Пари выпить, но тот отказывается, поскольку там, наверху, питаются одним лишь ладаном. Значит, угощение совершенно пропадёт даром: такое замечание вырывается у матери семейства, вообще женщины хозяйственной. Между тем все становятся непринуждённые, встают, ходят туда-сюда. Блаженный предлагает девушкам поиграть в «бычью ногу» или в «лётает — не лётает».

— Как! И в раю в это играют?

— О, Боже мой! Вчера мы со святым Эже и архангелами Рафаилом и Гавриилом сыграли великолепную партию в «чехарду».

— А что там, наверху, — спросила тётушка Схоластика, — говорят о святой Марии Магдалине, святой Марии Египетской и святой Пелагии?

— Э, ну, между собой о них немного судачат.

— Как! И там тоже злословят?

— О, чёрт возьми! Ещё как.

— Как, монсеньор! Неужели в раю бранятся?

— Когда апостолов поблизости нет и они не могут услышать, небесная молодёжь ведёт дьявольскую жизнь.

Госпожа Бадуре желает узнать, сама ли Пресвятая Дева ведёт хозяйство Троицы. Старшая из достопочтенных Бадуре осведомляется, кто одевает святых; исполняют ли приходскую мессу кюре или каноники, а господин Бадуре выражает желание узнать, где там берут хлопчатобумажные ночные колпаки.

У святого на всё есть ответ. В свою очередь он спрашивает, где спят разные члены семьи; наконец, найдя минуту, чтобы поговорить наедине с хорошенькой Роз, сообщает ей, что желал бы жениться на ней и охотно обсудил бы это с нею ночью так, чтобы никто не слышал.

— Увы! — отвечают ему, — это невозможно, потому что я сплю вместе с Туанеттой...

— Что ж! Тогда мне придётся воспользоваться своим правом дьякона.

— Каким же?

— Я могу жениться на двух женщинах, священники — на трёх, епископы — на четырёх или пяти, кардиналы доходят до полудюжины, а папа берёт столько, сколько может; все блага мира ему причитаются, когда он янсенист.

Роз не слишком восхищена этим небесным правилом, поскольку охотно взяла бы себе одного святого целиком, хотя бы он был даже папой; однако ей так хочется стать женой святого, что она соглашается и берётся предупредить сестру к следующей ночи.

В час пополудни святой дьякон, дабы не заставлять слишком долго бодрствовать святого Петра, обещавшего его дожидаться, отправляется на небо.

— Как же вы это сделаете?

— На крыше дома его ожидает облако, — говорит он, — и, чтобы добраться до него, блаженный укрывается плащом, дабы соседки его не увидели; они позавидовали бы чести, оказанной Бадуре, и, если дело получит огласку, дьякон не сможет вернуться. Наконец, он прощается и поднимается двумя этажами выше, чтобы раздеться в снятой им комнате. Он проделал отверстие в дымоходе и накануне через рупор трубил в трубу и говорил.

Маленькая Туанон, как и её сестра, согласилась на брак с дьяконом. Плуту открыли дверь девичьей спальни. Он признался, что сможет торжественно обвенчаться с ними лишь после того, как проведёт пятьсот лет в блаженстве; но пока, по примеру того, как король Людовик XIV поступил с маркизой де Ментенон, он, Пари, заключит тайный брак, столь же действительный, как брак Его Величества.

С этой минуты плут перестал появляться у Бадуре в небесном облачении, а на собраниях старательно маскировался, чтобы его не узнали; но три раза в неделю, глубокой ночью, приходил навещать обеих своих маленьких жён. Дедушка с бабушкой, со своей стороны, не сумели вечно скрывать оказанную им божественную милость. Госпожа Бадуре доверила всё своему духовнику. Мадемуазель Схоластика таким же рассказом заставила сохнуть от зависти двух своих старых подруг-янсенисток. Слух о явлении блаженного Пари, ставшего на небе столь же прекрасным, сколь был некрасив прежде на земле, распространился; одни поверили в его истинность, другие усомнились. Один фанатик написал толстую книгу, чтобы доказать подлинность чуда, и уважение к семейству Бадуре среди конвульсионеров сильно возросло.

Так обстояли дела, когда во время одного из распятый знаменитой сестры Франсуазы Ламбер мадемуазель Схоластику Бадуре толпа вытолкнула совсем рядом с графиней д'Отвиль. Молодой Эдуар не подозревал, что она находится так близко, и, всё время стараясь не попадаться на глаза остальным своим жертвам, так неудачно показался ей на виду, что святая девица, вне себя от радости и счастливая случаем доказать подругам, что она говорила правду, рассказывая о посещении святого дьякона, возвращается к ним и сообщает, что собрание в этот день удостоено присутствия святого Пари. Новость разносится; все перешёптываются, некоторые спорят: Схоластика призывает на помощь родных; и внезапно, в тот самый момент, когда виконт д'Отвиль меньше всего думает о том, что может с ним случиться, аббат Лоран поднимается на кафедру, требует тишины и начинает говорить:

— Да здравствует Иисус! Дорогие мои братья и сёстры, настали времена, когда нечестие будет посрамлено, а мы покроем стыдом этих лисиц, этих прожорливых и хитрых волков, этих повапленных гробов, именуемых иезуитами. Честные люди, приготовьтесь к великому чуду. Небо, тронутое вашими добродетелями, послало к вам одного из своих особо избранных угодников; он здесь, среди нас, он пока скрывается, но это не может продолжаться долго. Заклинаю вас именем святого-святого Сирана, святой-святой матери Анжелики, трижды святого-святого-святого Арно, заклинаю вас, говорю я, святой-святой Пари, примите ваш облик предопределённого к спасению, во утешение верующих и к посрамлению ваших врагов.

— Да! — восклицают все Бадуре, — вот он! Вот он! Воздадим ему почести!

И всё семейство, указывая на виконта д'Отвиля, становится перед ним на колени, за исключением его матери. Кто попался? Наш плут. Он хотел бежать; но как ускользнуть от всё возраставшего восторга этой толпы безумцев?

— Да это мой сын! — кричала графиня.

— Это наш молодой господин, — добавляли два лакея, обращённые госпожой д’Отвиль на истинный путь.

— Рассказывайте другим, — возражают Бадуре, — это святой Пари! Это он явился нам однажды вечером.

— Это он женился на нас, на моей сестре и на мне! — говорит глупенькая Туанон, поддавшись порыву тщеславия.

— Как женился? — спрашивают дедушка с бабушкой и ещё несколько человек.

— Да! Да! — отвечает Туанон, — женился, дожидаясь пятисот лет святости, как покойный король Людовик XIV женился на госпоже де Ментенон, левой рукой.

Это неуместное откровение становилось пикантным, и аббат Лоран, начав подозревать в чуде некоторое плутовство, схватывает молодого человека, уводит его в соседнюю комнату, открывает потайной люк, показывает лестницу и советует спастись этим путём. Затем, с треском распахнув окно, он возвращается в большой зал и рассказывает, как святой только что отбыл на облаке обратно на небо...

Пока все бросаются в эту вторую комнату, не имеющую видимого выхода, откуда тем не менее исчез разыскиваемый ими персонаж, графиня д’Отвиль, как женщина благоразумная, тоже удаляется. Всеобщий крик единодушен; запевают «Те Деум» и сообща соглашаются, что увидели самого настоящего святого Пари.

С этого дня семейство Бадуре по решению блюстителей нравов больше не появлялось в собрании. Вместо того чтобы укрепляться в вере, оно позволило совратить себя проклятому иезуиту. Девять месяцев спустя обе сестры произвели на свет двух маленьких святых Пари, которых семья д’Отвиль взяла на воспитание: один, повзрослев, стал судебным приставом, другой — аптекарем; в небесном деторождении есть смирение. В конце концов святой Матфей был ростовщиком, а святой Пётр — рыбаком. Нет ничего дурного в причислении профессий к лику святых, если они по случайности честны.

Это приключение, столь дурно устроены человеческие умы, было одним из тех, что всего быстрее привели конвульсионеров к упадку; два или три года спустя уже не было речи ни о блаженном дьяконе, ни о прыжках карпа, ни о помощи, оказываемой ударами поленьев и железных прутьев...

ГЛАВА XXIX

Новый вор. — Пулалье. — Предание. — Крещение отданного дьяволу. — Сорванец. — Превратности его судьбы. — Барон де Кирберген. — Злополучное узнавание. — Похищение. — Благородный поступок. — Жан-Жак и Пулалье. — Епископ и танцовщица. — Честный заём у начальника полиции. — Возвращение имуществ госпоже де Бриенн. — Уважение двора к Пулалье. — Аббат де Поттер. — Шуточные убийство и воскресение. — Месть женичины. — Казнь.

Прошло около семи или восьми лет с тех пор, как Картуш, арестованный, преданный суду, осуждённый и казнённый, перестал занимать внимание парижанина, этого цивилизованного султана, которому каждую неделю подавай новые казни, когда вновь распространился слух, будто другой вор, ещё более ловкий, более дерзкий, более необыкновенный и даже более жестокий, нарушает покой парижских улиц. Поначалу не знали ни его имени, ни его привычек. Между тем ужас охватывал разные сословия; ночная стража, лучники в коротких мантиях, конная полиция и французская гвардия уже поднялись на ноги в поисках разбойника.

Наконец его имя прозвучало повсюду; этого столь блистательного вора звали Пулалье: он появился приблизительно между 1730 и 1735 годами; но начнём наши сведения о нём с более раннего времени. Начало нашего рассказа будет весьма романтическим.

В одной деревне на побережье Бретани жил бедняк, человек простодушный и любимый соседями; бесстрашный моряк, весьма набожный, но нищий, как Иов; статная осанка и приятное лицо располагали к нему людей, и все местные девушки с интересом поглядывали на

Жака Пулалье; сила его была необыкновенной, а отвага, которую он проявлял в океане, превосходила всякое вероятие.

Подобные качества ценятся во всех странах мира. Среди девушек на выданье одна хорошенькая особенно привлекала взоры нашего молодца как своей миловидностью, так и своим состоянием. Она была богата, по крайней мере в сравнении с подругами; поэтому, чтобы одним словом выразить её телесные и душевные достоинства, а также её достаток, её называли красавицей Изабо Коломбле.

Неподалёку от этой деревни, на морском берегу, на вершине утёса, о который бились волны и который при высоком приливе превращался в остров, жил человек, происхождение которого оставалось неизвестным. Дом, в котором он поселился, издавна пользовался в округе дурной славой. Его знали только под названием Проклятая башня. В этом особняке происходили многие страшные истории, которые пересказывали на вечерних посиделках. Когда-то дьяволы избрали его своим жилищем, и с тех пор утверждали, что никто не может поселиться в нём, не заключив предварительно договора с нечистым. Уединённость места, непрерывное волнение окружавшего его океана, свист ветра, производивший ужасающие звуки, следы молний, не раз избороздивших почерневшие и почти обгоревшие стены; дурная слава этого мрачного жилища, отдалённого от всех остальных домов, возле которого не было ни деревьев, ни цветов, ни зелени, так сильно подействовали на суеверные умы соседей, что проклятый дом сорок или пятьдесят лет оставался без жильцов. Подобные проклятые места встречаются повсюду. Человек проклинает не только человека; надо отдать ему справедливость: иной раз он питает неприязнь и к камням. Художники, которые ничего не говорят против смертной казни, в подобных случаях выступают защитниками наших памятников. Какая-нибудь старая башенка стоит себе некоторое время; затем обрушивается на беднягу, укрывшегося под ней, а оплакивают памятник. Однажды увидели, как какой-то человек бродил по окрестностям, ходил взад и вперёд по берегу и, когда поднялась буря, сел в лодку, вышел в открытое море и исчез.

Разумеется, его сочли погибшим. На другой день его встретили; удивлённые этим, принялись расспрашивать, кто он такой. Узнали, что он купил башню у владельца и поселился в ней. Этим и ограничились сведения, добытые встревоженным любопытством. Откуда он явился? Чем занимался прежде? Это оставалось тайной. Прошло два или три года, прежде чем узнали его имя. Наконец выяснилось, что его зовут Руссар. Это был человек ростом около шести футов, крепко сложенный; ему было около тридцати лет, и лицо его отличалось довольно приятными, весьма выразительными чертами; он был аккуратен и благонравен; как опытный рыбак, он стал человеком значительным в округе.

Никто лучше его не предсказывал погоду и, главное, не умел так хорошо ею пользоваться. Видели, как он держался в море при столь страшной погоде, что все сходились на том, что без договора с Сатаной человек непременно пошёл бы на корм рыбам; он же, однако, возвращался в бухту целым и невредимым. Об этом много говорили. Его это мало беспокоило. Он один во всей общине не посещал по воскресеньям никакой службы. Приходский священник в проповеди дал понять, что он отлучён от церкви. С тех пор соседи прекратили с ним всякое общение; иначе и быть не могло.

Так обстояли дела, когда по деревне разнеслась молва, что славный рыбак Жак Пулалье тронул сердце красавицы Изабо. Вскоре заговорили об их предстоящей свадьбе. Наконец в одно воскресенье, во время большой мессы, местный викарий огласил первое брачное объявление. Парни, собравшиеся на берегу, поздравляли Пулалье, когда увидели приближающегося Руссара. Его появление удивило всех; он с такой же старательностью избегал деревенских сборищ, с какой другие стремились на них попасть. На этот раз он изменил своему обыкновению. Любопытство разгорелось с новой силой.

Незнакомец, казалось, искал кого-то глазами, затем направился прямо к счастливому Жаку, который, опьянённый радостью, пожимал одну за другой протянутые ему руки. Подойдя к нему, незнакомец сказал: — Хозяин Пулалье, так ты собираешься жениться?

— Похоже, что это решено.

— Не более решено, чем то, что твой первенец достанется дьяволу; и это я... я, Руссар, тебе говорю.

С этими словами он круто повернулся и направился к своему одинокому жилищу, оставив слушателей поражёнными его необыкновенной речью, а Пулалье более встревоженным, чем остальных. С того времени этот человек больше не показывался по соседству; и в один прекрасный день он исчез, так что никто не узнал, куда он направился. Мы передали предание, но, вероятно, многое в нём следует принять с оговорками. Отметим только предсказание; оно, по-видимому, достоверно.

Жак Пулалье, суеверный, как деревенские жители вообще и бретонцы в особенности, никогда не забывал зловещих слов этого человека. Его товарищи тоже их не забыли, и когда через год после свадьбы у него родился первенец, все единогласно приветствовали младенца криком: «Отдан дьяволу!» Заметили, что во время крещения новорождённый кричал, извивался, строил ужасные гримасы, а едва его вынесли на свежий воздух, принялся смеяться. Такое весьма часто случается во время священного обряда, который не всегда приходится по вкусу малышам, но на этот раз на это обратили внимание, потому что уже были настороже. Чтобы увидеть подобное, вовсе не обязательно ехать в Бретань.

Судя по предзнаменованию, определившему его призвание, следовало ожидать, что Пьер Пулалье будет уродлив и плохо сложен. Напротив, он был миловиден, проворен, смел; у него были чёрные, блестящие, немного навывкате глаза, белый цвет лица, полный рот зубов и чёрные, от природы выющиеся волосы; но по своему нраву это был сущий чертёнок; задира, злой проказник, маленький плут, вечно замешанный в ссоры своих сверстников. Если жаловались на разорённый садок у моря или опустошённый заповедник, на фруктовый сад, лишившийся плодов, обвиняли парнишку Пьера Пулалье. Отец сколько угодно мог его бранить, он оставался неисправимым. Думают, будто детей можно воспитать побоями; напрасный труд: они скорее привыкнут к побоям, чем откажутся от того, что им нравится. Дети устраивают своего рода расчёт. Им скорее можно разбить голову, нежели изменить характер; а ярость, в которую вы впадаете, служит им утешением. Но побои — довод, доступный каждому, и потому они не выходят из употребления. Глупцы говорят вам, что именно так их и воспитали; это и без того слишком заметно.

Господину кюре стоило большого труда подготовить его к первому причастию. Деревенский учитель исчерпал весь ряд своих наказаний, а ряд этот был длинен, так и не сумев внушить ему первые начала учения, даже азбуку. К чему это? — говорил негодник; разве я не отдан дьяволу? Разве этого недостаточно, чтобы пробить себе дорогу?

Так юный Пулалье обращал предрассудок против самого предрассудка. Вместе с насмешками маленьких товарищей он принял и своё предопределение. Вот каким образом события совершаются именно потому, что были предсказаны; обстоятельство, на которое обращают недостаточно внимания! Так глупости становятся неотвратимыми роковыми обстоятельствами; их влияние увлекает нас за собой.

В десять лет его взяли юнгой на торговое судно. В двенадцать он бежал в Англию, предварительно обокрав капитана. В Лондоне он выдавал себя за внебрачного сына французского герцога и пэра. Многочисленные мошенничества вынудили его вернуться на родину. Когда ему шёл шестнадцатый год, он записался барабанщиком в Шампанский полк, которым командовал граф де Вариклер. Не достигнув восемнадцати лет, он дезертировал, связался с цыганами, предсказателями судьбы, затем с фокусником и, наконец, с канатным плясуном. Он играл

на сцене, торговал орвиетаном, сделался вербовщиком; словом, прошёл все ступени, которые неизбежно должны были привести его к воровству.

И главное, ещё до всего этого он честным образом вступил в ряды армии. Одно время полагали, что он исправится; начальники были им довольно довольны; но молодая, красивая и кокетливая маркитантка воспламенила его любовью. Фельдфебель роты стал его соперником. Фельдфебель захотел воспользоваться своим чином; он оскорбил подчинённого. Пулалье ответил пощёчиной, затем, обнажив саблю, опасно ранил этого человека, который напал на него, обезумев от нанесённого оскорбления. Смерть должна была стать развязкой этой череды опрометчивых поступков: подчинённым никогда не следует иметь страстей, как, впрочем, и беднякам. Господь обязан дать им десять тысяч ливров годового дохода, если уж наделяет их чувствами, гордостью и характером. В случае надобности дисциплинарный суд и виселица исправляют ошибки Провидения. К счастью, поблизости находилась граница; молодой солдат перешёл её, и с той минуты начал открытую войну с обществом.

Никогда не знаешь, что может произойти вследствие событий, кажущихся самыми незначительными. Бесконечно малое ничего не значит для тех, кто управляет людьми. Полагают, будто можно беззаботно распоряжаться судьбой жалкого, ничтожного человека; а он, будучи ничем, восстаёт и устремляется к известности посредством преступления.

Большие познания нашего молодца, его испытанная храбрость, ловкость, осторожность, с которой он обдумывал налёт, невероятная быстрота исполнения, его деликатность по отношению к своим, ибо в этом он отличался такой щепетильностью, которая сделала бы честь не одному доброму гражданину, — всё это вскоре прославило его и возвело на первое место. Первые его вылазки происходили в Германии. Человек, которого приговорили к смерти, приговорил всех остальных кормить его. Оправданием ему служила необходимость, и в этом отношении он рассуждал как политик. Я ошибаюсь! Если он убивал людей, то делал это в схватке, не ненавидя их и не выслушивая. У политиков нет такого оправдания.

В ту пору он сам устроил засаду на вершине холма, откуда открывался обширный вид на окрестности. Разумеется, изящество его одежды, благородство манер и роскошь вооружения не позволяли принять его за того, кем он был на самом деле. Он находился в отдалении на этом холме, когда ему показались две молодые девушки: они были очаровательны; он подошёл к ним. Молодость располагает к общению. На его вопросы они ответили, что, устав сидеть в карете, желали подняться на холм пешком.

— Значит, сударыня, вы пошли вперёд? — спросил он одну из них.

— Да, сударь; слышите ли вы бичи фореиторов?

Эти барышни были так приятны, что наш герой влюбился до чрезвычайности. Но в то же время положение на дне долины становилось опасным: на другом склоне холма разбойники выстроились в боевой порядок, готовые броситься на проезжих. Однако молодой человек слишком горячо увлёкся своей новой любовью, чтобы допустить, чтобы его люди разграбили багаж его новой возлюбленной. Поэтому он простился с барышнями, прежде чем они вернулись в карету, и, выбрав тропинку, вырубленную в почти отвесной скале, с необыкновенной быстротой спустился вниз, принялся умолять своих людей не нападать на путешественников, которые сейчас появятся; видя, что они колеблются, он выкупил у них ожидаемую добычу, отдав свой прежний выигрыш, и обе дочери барона де Кирбергена уехали, даже не подозревая, какой опасности подвергались. Подобные поступки свидетельствуют о человеке, способном на великие дела.

В тот же день Пулалье временно поручил командование шайкой своему помощнику и, сев на прекрасного коня, последовал за своей инфантой и дерзко поселился в замке её отца под именем маркиза Петруччи из Сиены, которого незадолго перед тем ограбил и чьи бумаги также присвоил, подобно тому как нынешние воры присваивают паспорта своих жертв. Под вымышленным именем его радушно приняли; он держался любезно; понравился, и юная Виль-

гельмина отдала ему взамен своё сердце. Но вследствие одного из тех поворотов судьбы, которыми изобилуют наши комедии, ибо литераторы многим обязаны гению воров и не всегда признаются, откуда черпают своё остроумие, явился путешественник — настоящий Петруччи; он узнал негодяя, который похитил его кошелек и имя. Разбойник с бесстыдством отстаивал свои притязания; барон де Кирберген колебался; он послал за флорентийскими купцами, знавшими настоящего Петруччи. Дождаться их было бы глупостью; Пулалье бежал той же ночью, и не один, а со своей возлюбленной, которая уже не желала с ним расставаться.

Желая не разлучаться с этой безрассудной девушкой и в то же время не желая подвергать её ни малейшей опасности, он решил вернуться во Францию и направиться в Париж. Эта столица цивилизации, этот рай воров отныне должна была стать ареной причудливых приключений нашего героя.

Однажды ночью, пробираясь по крышам, чтобы проникнуть в дом, хозяева которого находились за городом, он добрался до окна, откуда доносились плач и рыдания; удивлённый и любопытствуя узнать причину этого горя, он приблизился к проёму. Там находилась семья, оставшаяся без всяких средств и целый день не евшая. Тронутый страданиями, которые он сам слишком часто испытывал, он уже собирался бросить им свой кошелек, как дверь комнаты с шумом распахнулась: вошёл человек, вне себя от волнения, с пригоршней золота, которую он швырнул посреди комнаты.

«Вот, — произнёс он голосом, прерывавшимся от сильного волнения, — сходите за едой; она вам дорого обойдётся! Я только что заплатил за неё своей честью и покоем всей жизни. Только что я возвращался сюда; недалеко от себя я увидел высокого худого человека, который быстро шагал и, казалось, кого-то поджидал. Это любовник, сказал я себе; с этими словами я бросился к нему и схватил за воротник. Дурак испугался; он отдал мне всё, что имел, свои часы, две золотые табакерки и луидоры. Вот они, они будут стоять мне жизни; я не переживу этого бесчестья».

Жена думала и говорила так же, как муж. Дети, хотя и малолетние, разделяли те же чувства. Это до такой степени растрогало Пулалье, что он без колебаний показался им. Его появление через окно повергло бедную семью в невыразимый ужас.

— Успокойся, — сказал он мужу, — ты обокрал вора. Такое счастливое обстоятельство случается чаще, чем принято думать. Люди нередко напрасно мучаются угрызениями совести. Подлый трус, отдавший тебе эти вещи, стоял на страже у шайки Пулалье. Ограбив его, ты совершил храбрый поступок. Но если можно сохранить свою душевную чистоту, тем счастливее человек. Сохрани её; сохрани также свою добычу, ты её не украл; это плата за урок мужества, и хорошо, чтобы трусы за такие уроки платили.

— Но кто вы такой? — спросили его. — Какое право вы имеете распоряжаться чужим добром?

— Право начальника распоряжаться добром одного из своих людей. Я Пулалье! Вот, добрый человек, возьмите ещё это и займитесь какой-нибудь торговлей, это удастся вам лучше. Быть может, это ремесло столь же червивое; но на его стороне предрассудок. Я сожалею о времени, когда и у меня были предрассудки. Обманутые всегда находят утешение в глубине сердца.

Эти бедные люди, удивлённые тем, что Пулалье проповедует столь чистую нравственность, сначала не знали, что ему сказать; затем, повинувшись внушению сердца, они упали перед ним на колени и спросили, что могли бы сделать в знак своей признательности.

— Посветить мне, — ответил он, — чтобы я мог спуститься на улицу и не сломать себе шею.

Не лучше ответил Жан-Жак герцогу де Пралену, чья датская собака сбила его с ног, пробегаая перед экипажами хозяина. «Что я могу для вас сделать?» — сказал герцог человеку, которого не знал. «Можете привязать свою собаку», — ответил философ.

Пулалье оценил бы Жан-Жака.

Так всё и произошло. Вор, довольный тем, что осчастливил достойную семью, отправился сурово наказывать того из своих людей, который столь трусливо уступил свой кошелёк, двое краденых часов и всё остальное.

В другой раз он познакомился на балу в Опере с очаровательной женщиной. Он попросил позволения проводить её домой. Эта авантюристка сначала шумно отказалась, затем её решимость колебалась, она уступила и согласилась вернуться в столь приятной компании, если только, прибавила она, монсеньор не вернулся домой раньше меня.

— Кто такой монсеньор? — спросил разбойник.

— Увы! Один из наших прелатов с посохом и митрой; он содержит меня на церковные доходы, и я обязана быть к нему внимательной.

— Что ж, пусть будет так, — ответил разбойник.

Они приехали. Место свободно, и Пулалье расположился там; но едва он устроился поудобнее, как по неизменному обыкновению у дверей остановилась карета, и вот явился монсеньор. Красавица упала перед Пулалье на колени и стала умолять его пройти в дальнюю комнату. Он поспешил туда. Показался прелат. Стеклянная дверь позволяла видеть его во всём его апостольском великолепии. Крест из огромных бриллиантов играл на его груди, подвешенный к цепи, звенья которой были оправлены в драгоценные камни большой цены; другие самоцветы составляли шнур и кисти его шляпы, а на пальцах сверкали перстни с камнями редкостной чистоты и величины.

О! На этот раз алчность разбойника заглушила его любовную прихоть. Внезапно он вышел, предстал перед епископом с кинжалом и пистолетом в руках, приставил оба оружия к священной груди и решительно объявил свою волю, к изумлению девицы. Епископ ужаснулся, будучи слишком привязан к жизни, чтобы подвергать её опасности жестом или движением. Пулалье обобрал его с ловкостью, свидетельствующей о большом опыте; забрал всё: бриллианты, драгоценные камни, золотые изделия и монеты, перстни, часы, табакерку, кошелёк; затем, заставив свою нежную подругу прибавить к этой добыче деньги, которыми оплачивались её ласки, убежал, громко смеясь. Редко ему удавался подобный удар.

По меньшей мере восемь дней девицы из Оперы оставались верны своим епископам и отвергали ухаживания поклонников. В каждом мельчайшем взгляде они усматривали намерение ограбить их. Однако такой образ целомудренной жизни не мог сохраняться долго. Когда паника прошла, все вернулись к прежним привычкам.

Начальник полиции, доведённый до отчаяния растущей дерзостью преступника, велел объявить осведомителям, лучникам и сержантам, что всякий, кто приведёт к нему Пулалье, получит сто пистолей, не считая должности с доходом в две тысячи ливров, которую он также обещал дать. Господин Эро только что позавтракал, когда ему доложили о графе де Вильнёве. Это имя во Франции носят преимущественно два знаменитых семейства из Прованса и Лангедока. Господин Эро прошёл в свой кабинет. Там предстал перед ним представительный человек, одетый восхитительно, с такой же роскошью, с какой и вкусом, и попросил разговора наедине. Был отдан приказ никого не впускать до звонка колокольчика, а лакей поставлен на караул, чтобы распоряжение не было нарушено.

— Итак, господин граф, в чём дело? — О, сущий пустяк, сударь, всего тысяча пистолей, которые я сам возьму из вашего стоящего здесь несгораемого шкафа вместо тысячи ливров и дохода от должности, обещанных вами тому, кто сведёт вас с Пулалье; так вот, Пулалье — это я!.. И я убью вас этим отравленным кинжалом, если вы возвысите голос или попытаетесь защищаться. Подумайте как следует, смертельного укола будет достаточно.

Произнеся эту речь с видом, в котором почти совсем не было шуток, дерзкий гость вынул из кармана тонкие, крепкие шнурки, прочно связал начальника полиции, прикрепил его к кольцу на двери, не торопясь обыскал ящики письменного стола, вынул всё найденное там

золото и затем, отвесив глубокий поклон, медленно вышел, умоляя господина Эро не провожать его.

Лишь через час решились войти к магистрату, настолько стыдившемуся своего приключения, что вместо того, чтобы позвать кого-нибудь, как он мог бы сделать сразу после ухода разбойника, он пытался перегрызть зубами удерживавшие его путы. К несчастью, верёвки были хорошего качества и, вопреки обычаю, изготовлены на совесть. Можно представить себе его ярость после столь дерзкого ограбления. Со всех сторон на господина Эро посыпались эпиграммы, остроты и песни. Он не осмеливался появляться ни в одном обществе, будучи вполне уверен, что, стоит ему показаться, как над ним начнут смеяться.

Между тем грабежи Пулалье множились вместе с его дерзостью. С наступлением темноты люди боялись выходить на парижские улицы. Особенно бульвары пустели с заходом солнца. Разбойник, желая проникнуть в особняк де Бриенн, что было нелегко из-за бдительности швейцара, придумал, пока карета принцессы Лотарингской стояла возле Оперы, прикрепить к кузову винтами кожаные ремни и повиснуть на них, тогда как заранее подосланные сообщники угощали в кабачке кучера и лакея, оставленных караулить. Так Пулалье миновал ворота, столь строго охранявшиеся цербером из Гельвеции.

Когда люди из конюшни легли спать, он оставил своё мучительное положение, для сохранения которого ему потребовалась необыкновенная сила рук. Он поднялся на чердак и провёл там три дня и четыре ночи, питаясь плитками шоколада. Воры обычно большие гастрономы; но, как и гастрономы, они воздержанны в предвкушении хорошего обеда. В подобных случаях идут на жертвы, чтобы потом с тем большим удовольствием предаться наслаждению. Наконец госпожа де Бриенн отправилась на бал к принцессе де Марсан, и почти вся прислуга особняка разлетелась кто куда. Лишь тогда Пулалье смог проникнуть в кабинет. Он взломал секретер, забрал две тысячи золотых луидоров и портфель, содержимое которого, несомненно, намеревался спокойно изучить; ибо два дня спустя он вернул его, хотя в нём находились рентные обязательства парижской ратуши. Вежливая записка, подписанная его именем, просила принцессу принять возвращаемое имущество и его извинения; в ней говорилось, что, зная он заранее, что найдёт столь ничтожную сумму, он не стал бы лишать денег знатную даму, которой сам одолжил бы вдвое больше, если бы она в том нуждалась. Эту наглость нашли чрезвычайно изысканной, и всю неделю в Версале говорили о безупречном поступке и утончённой галантности шевалье де Пулалье.

Этот титул был знаком почтения к благородному вору, по крайней мере в глазах версальского общества. Он усмотрел в этом насмешку. Его тщеславие ставило его выше мошенников из хорошего общества. Не нам выносить суждение.

Дела привели его в Камбре, и во время небольшой поездке оттуда в Гент его спутником оказался декан какого-то знатного капитула Бельгии. Разговор коснулся знаменитостей дня. Пулалье не был столь же избитой темой, как дождь и хорошая погода. Этот аббат питал глубокую ненависть к Пулалье, которого не переставал называть подлым разбойником и негодяем, утверждая, что при первой же, и весьма скорой, поездке в Париж повидается с начальником полиции, чтобы упрекнуть его в недостатке рвения, с которым тот старается схватить столь презренного мошенника.

Приблизительно через месяц после этого разговора господину Эро пришло письмо. В нём сообщалось, что позавчера господин де Поттер, каноник-декан знатного капитула Брюсселя, был ограблен и убит ворами Пулалье, который, надев одежду своей жертвы и завладев её бумагами, въедет в Париж через заставу Сен-Мартен. Один из сообщников преступника решил донести на него в надежде получить помилование.

Можно вообразить радость господина Эро, подогреваемую столь горячим желанием отомстить. Туча сыщиков устроила засады у разных застав столицы, особенно у той, на которую было столь точно указано. И действительно, к вечеру прибыл лилльский дилижанс: его окру-

жили и проводили до почтового двора. Там, именно в ту минуту, когда пассажиры начали выходить, схватили негодяя, переодетого честным человеком, который и лицом, и сложением, и одеждой полностью соответствовал приметам, указанным в письме раскаявшегося вора.

Представьте себе ужас, гнев и сопротивление декана, которого подняли, словно святую раку, и доставили в полицейское управление, где его, кроме господина Эро, ожидали два брюссельца, близких друга покойного, которые должны были удостоверить преступление Пулалье и убийство достойного священнослужителя, о потере которого они так скорбели. Но какова же была их радость и разочарование магистрата, когда арестованный, мнимый разбойник, был признан подлинным, настоящим деканом де Поттером. Нетрудно представить извинения, восклицания и дурное расположение духа всех присутствующих, ещё более усилившееся после того, как бельгийцу вручили торжествующую записку, в которой Пулалье напоминал ему о его речах и обещании по прибытии в Париж настроить господина Эро против человека, лично не причинившего ему никакого зла. Урок был суровым, однако аббат не стал осмотрительнее. По-видимому, аббаты не больше воров любят, когда им вздумают читать нравоучения. Так устроен мир.

Пять раз арестовывали Пулалье, и столько же раз он разрывал свои оковы; женщины, пленённые его красивой внешностью, обаянием, темпераментом и щедростью, непрестанно старались вырвать его из рук правосудия. В конце концов погибель пришла к нему от одной из любовниц, мадемуазель де Кирберген, которая, очарованная любовью, последовала за ним и почти никогда его не покидала; наконец он оставил её ради другой женщины, более молодой и красивой, причём она дважды подвергалась смертельной опасности; в первый раз Пулалье нанёс ей удар ножом, во второй попытался заставить её принять сильный яд, но не сумел дать достаточного количества. Этот негодяй обращался со своими любовницами, когда они ему надоедали, так же, как Генрих VIII со своими законными жёнами.

Возмущённая такой неблагодарностью в ответ на столь великие жертвы, отвергнутая возлюбленная жаждала одной только мести. Она воспользовалась молодым вором, влюблённым в её прелести (в то время ей было всего тридцать лет); через него она пригласила Пулалье на последнее прощальное свидание, после которого искренняя дружба должна была сменить страсть, более не существовавшую со стороны разбойника.

Тот, счастливый, что может столь легко отделаться от женщины, ставшей ему невыносимой, пожелал устроить всё как следует; он принял приглашение на ужин и сам предложил провести ночь вместе; они легли, за удовольствиями последовал отдых; наконец Пулалье заметил, что она страдает, и с участием спросил, что с ней.

— Пустяки, — отвечала она, — о да, совсем немного, только что я отравилась, чтобы не пережить тебя.

— Что! Негодяйка! — воскликнул испуганный вор, — уж не заставила ли ты и меня проглотить отраву?

— Это было бы слишком слабой мезтью, твоя быстрая смерть стала бы для тебя благодеянием; нет, друг мой, успокойся, ты выйдешь из этой постели целым и невредимым; но лишь для того, чтобы окончить ночь в Консьержери, а завтра, поскольку остаётся только удостоверить твою личность, ты окончишь жизнь на колесе на Гревской площади.

Пулалье ещё на мгновение пожелал усомниться; но мадемуазель де Кирберген хлопнула в ладоши, и тотчас из разных частей дома сбежалось столько лучников, что разбойник был схвачен, несмотря на ожесточённое сопротивление. Однако смерть наступила не так скоро, как предсказала ему несчастная любовница; ибо, надеясь продлить себе жизнь и вновь получить возможность бежать, он предложил и обещал сделать разоблачения. Наконец генеральный прокурор, подвергнув его ужасным пыткам, приказал колесовать его заживо, после чего его, ещё живого, бросили в разведённый костёр.

Таков был обычай. Он объясняет вместе с тем варварство воров, которые вознаграждали себя яростью и утешались ею на тех, кто попадал к ним в руки. Они соперничали с законом в свирепости. В конечном счёте отнять у них можно было лишь одну жизнь; а расплата общества с убийцами никогда не бывает соразмерна тому злу, которое законы сами причиняют своими угрозами. Когда судопроизводство носит ужасающий характер, ему умеют отвечать. Получается весьма занимательный диалог.

Число людей обоего пола, убитых его шайкой и им самим, определяли более чем в сто пятьдесят человек. Соппротивление ожесточало его характер и делало его способным на величайшие зверства. Перспектива собственной казни отнюдь не располагала его к пасторальным нравам. Однажды в деревне Сен-Мартен он собственноручно зарезал или велел зарезать отца, мать, двух братьев, недавно вышедшую замуж сестру, её мужа и четверых родственников или друзей; в другой раз одного из своих людей, безуспешно попытавшегося предать его, поставили у угла стены, связанного и стоящего на ногах; затем вокруг него возвели кладку так, чтобы лишить его воздуха и света; а по свежей штукатурке Пулалье выцарапал приговор и эпитафию несчастного, наказанного таким образом. Это обнаружили несколько лет спустя, когда подвал, где было совершено столь жестокое мщение, перешёл к новому владельцу. Здесь предание, с которого мы начали, венчает трагическую развязку.

В родных местах Пулалье, где его отец, мать, братья и сёстры ещё жили весьма почтенно, считалось установленным, что в ночь после дня его казни уединённый дом под названием Проклятая башня, остававшийся необитаемым с исчезновения последнего владельца, неоднократно казался весь охваченным огнём, причём каждое окно светилось до самого утра. Оттуда доносились завывания и ужасные крики, и крестьяне утверждали, что слышали имя Пулалье. Кроме того, страшная буря бушевала над этим берегом без перерыва трое суток. Ураган был настолько силен, что всё это долгое время ни одна лодка не могла выйти в море. В подобных историях всегда бывает ураган; ураган производит хорошее впечатление, только им слишком злоупотребляют.

ГЛАВА XXX

Господин Эро и кардинал Флёри. — Интрига Конде с целью возвести на польский престол короля из их рода. — Таинственные записки. — Двусмысленное свидание, назначенное начальнику полиции. — Арест. — Попытка подкупа. — Посланница или посланник; здесь остаётся неясность.

Однажды утром начальника полиции вызвали в Версаль. (Кардинал Флёри всё ещё стоял во главе министерства.) Он не знал, чего от него хотят, и не был свободен от тревоги, поскольку знал, что семейство Майе имеет виды на его должность. Непостоянство должностного положения принадлежит к числу самых серьёзных забот, это настоящее бедствие чиновников; тогда они тратят на козни и интриги, стараясь удержать равновесие между соперниками, время, которое могли бы употребить на дела общей пользы. Господин Эро также отдавал дань этому страху. Его заставили ждать в особой комнате. Он пробыл там некоторое время, когда одна дверь приоткрылась; в проёме появилась рука и бросила изо всех сил в сторону сидевшего господина Эро запечатанное письмо на его имя; затем рука исчезла, а дверь снова закрылась.

Начальник полиции, чрезвычайно заинтригованный столь необычным способом сообщения, встал, схватил послание, вскрыл его и прочёл следующие слова:

«ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ, В ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ, явитесь, один или в сопровождении других, на Вандомскую площадь; вы последуете за человеком, который, подойдя к вам, после приветствия спросит, близко ли Иерусалим от Рима. Немедленно уничтожьте эту бумагу».

Господин Эро, ещё более изумлённый этим, подошёл к камину в комнате; в мгновение ока пламя поглотило таинственное письмо. Вскоре его позвали предстать перед кардиналом. Он застал министра больным, страдающим, угрюмым и в дурном расположении духа.

«Господин начальник полиции, я вызвал вас, чтобы сообщить вам повеления короля. Завтра около полудня через Венсенскую заставу в Париж въедет польский дворянин; не упустите ничего, чтобы завладеть его особой, захватите его бумаги, задержите его самого. Не сомневаюсь, что он первым потребует доставить его ко мне; вы исполните его желание. В какой бы час это ни случилось, вы меня найдёте; окажите ему почести, подобающие его званию и, в особенности, его высокому происхождению. Кроме того, пусть глубочайшая тайна покрывает малейшие подробности этого происшествия».

Кардинал умолк. Господин Эро воспользовался этим, чтобы заверить его в своём усердии и преданности. Никогда не следует упускать случая сказать о себе что-нибудь хорошее. Его высокопреосвященство внимательно слушал; затем прибавил, словно вспомнив о чём-то забытом:

«Кстати! Королю было бы любопытно, по некоторым причинам, неизвестным никому, кроме меня, узнать, чем занимается господин принц де Конти, с какими людьми он встречается и не замечается ли у него дома приготовлений к путешествию или скорому отъезду».

Среди тысячи и одного неудобства своей должности начальники полиции ставили на первое место неприятную обязанность следить за принцами крови и членами королевской семьи. Они знали, что эти высокопоставленные особы, едва узнав об этом или догадавшись, приходили в досаду и без стеснения вымещали её на том, кто подвергал их тягостному надзору. Редко когда подобная служба не вознаграждалась самыми прямыми оскорблениями после показательных примирений враждовавших между собой сильных мира сего. Пожертвовать подчинённым — одна из тех мелких любезностей, которыми не пренебрегают и которые занимают первое место среди удовлетворений чести, с одной стороны неизменно требуемых, а с другой охотно предоставляемых.

Но попытка уклониться от столь щекотливых поручений вызвала бы недовольство двора и ещё больше — упрямого старца, который на девяностом году своей жизни всё ещё управлял Францией, словно находился в расцвете зрелых лет. Поскольку привычный обмен мелкими пакостями между любезными кузенами одной крови был самым обычным делом в княжеских семействах, попытаться не попасть между молотом и наковальней означало бы прослыть сообщником, случись какие-нибудь события. Ближайшая опасность всегда оказывается наиболее убедительной.

Вернувшись в Париж и прибыв в особняк на улице Капуцинок, где помещалось управление общей полиции, он поочерёдно вызвал двух своих подчинённых — людей серьёзных, тонких, умных, хитроумных, весьма пригодных для операций такого рода. Первый из них предупредил своих подчинённых; те создали лучников, состоявших под их началом, а лучники переоделись; все отправились на места, расставили дозорных и оцепили Тронную заставу так, чтобы никому не позволить войти или выйти, не проверив, кто это такой.

На следующий день в назначенный час показалась почтовая карета; ей дали миновать ворота, первые дома предместья и несколько дальше остановили почтальонов-ямщиков, а у слуги, сидевшего позади кузова, спросили имя его господина.

— Мой господин, — ответил он со смехом, — женщина; это самая знатная, самая красивая и самая богатая из полек, графиня Потока.

— А! Польша! — воскликнул агент, несколько оправившись от удивления. — Мне говорили о поляке! Неужели действительно полька? Быть может, я ослышался. Во всяком случае, я забираю всех, кого встречу прибывающими к нам с берегов Вислы, какой бы ни была их масть и пол. К тому же час точно совпадает. Ну, почтальон, езжай прямо к особняку господина начальника полиции.

Дама, не зная, почему происходит этот разговор, уже начала сердиться из-за задержки; а когда двинулись дальше и проехали вдоль бульваров, чтобы добраться до жилища господина Эро, она перестала жаловаться и без всяких возражений вышла из экипажа, даже

приняв руку первого служащего дома, который отважно проводил её в кабинет, где высокий магистрат с тревогой ожидал результата своего предприятия.

— Госпожа графиня Потока! — выкрикнул пронзительным голосом камердинер.

— Госпожа Потока! — машинально повторил господин Эро.

Однако, овладев удивлением и подозревая глупость со стороны своих агентов, он поспешил навстречу знатной иностранке, поздравляя себя с честью, которую она оказала ему своим появлением. Это была высокая красивая женщина, несколько надменная в обращении, вся закутанная в меховые накидки и горностай. В её лице проглядывали привычка повелевать повсюду и сознание собственного превосходства. Она принимала любезности хозяина, едва обращая на них внимание.

— Хороши ли ваши покои? И искусен ли ваш повар?

— Сударыня...

— Любезный хозяин, я хочу обедать в три часа, ужинать в одиннадцать. Позаботьтесь, чтобы мои служанки были хорошо устроены и чтобы ваши молодчики не измяли мои наряды.

— Но, сударыня, — с ещё большей серьёзностью возобновил магистрат, — разве вы не знаете, где находитесь?

— Как же, на улице Нёв-де-Пти-Шан, в гостинице «Европа», где я обыкновенно останавливаюсь и главным новым арендатором которой являетесь вы, потому что в прошлый мой приезд в Париж я вас не видела.

— Госпожа Потока находится в особняке полиции, а я — господин Эро.

При этом имени, хорошо известном даже за границей, гордая полька запротестовала, пожаловалась на дерзкое посягательство на её свободу и потребовала, чтобы ей немедленно позволили уехать. Господин Эро извинился, попросил её набраться терпения, выказывая ярость из-за неприятного положения, в которое поставил его агент. Он вызвал последнего и для начала крепко его отчитал; когда же закончил, другой, не менее пронырливый, чем его начальник, стал клясться всеми святыми, что господин Эро сказал ему «полька», и заметил, что с самого утра никто из этой страны на заставе не показывался. «А если никто и не появится, — продолжал он, — значит, кардинала несомненно ввели в заблуждение. В переписке одна-единственная буква может ускользнуть от внимания. Между „поляк“ и „полька“ разница всего в одну гласную. Без всякого сомнения, его высокопреосвященство ожидал именно даму».

Эта ловкая речь спасала ответственность магистрата, который, рассыпаясь в извинениях, сослался на трудности своей службы, вынуждавшие его удержать графиню, по крайней мере на двадцать четыре часа, под домашним арестом. Впрочем, всевозможные знаки внимания сопровождали эту небольшую защитительную речь в пользу дерзостей, которые подсказывает государственная необходимость, самая неразумная из всех причин в данных обстоятельствах, поскольку начальник полиции не мог подкрепить её ни малейшим разумным доводом; он признался в этом с величайшей любезностью, и дама, желая сделать ему приятное, покорилась. Между умными людьми многое прощают друг другу из глупостей.

Остаток дня прошёл, и ни поляк, ни даже немец или русский не появился ни у Тронной заставы, ни у какой-либо другой. Стало, таким образом, совершенно ясно, что захват произведён с таким же счастьем, как и сообразительностью; между тем, по мере приближения вечера, начальник полиции всё живее вспоминал вчерашнюю странную записку и назначенное ему свидание.

Теперь он колебался, как ему поступить. Отправиться ли на Вандомскую площадь? От его особняка до неё всего два шага. Не ловушка ли это? Нет, потому что, будучи предупреждён, он мог заранее принять самые серьёзные меры. Не насмешка ли? Она была бы весьма глупой, ибо естественно, чтобы человек в его положении доверял тем, кто хочет передать ему сведения в необычной форме. Во всяком случае, следовало посмотреть, оставив за собой возможность выпутаться из дела с мужеством и здравым смыслом.

В половине одиннадцатого он ещё колебался; но тогда, быстро приняв решение, отдал приказания двум своим лакеям, настоящим великанам, которые великолепно смотрелись бы в полку гвардии прусского короля, и велел им надеть серые ливреи; сам же закутался в просторную витчуру из чёрного бархата, подбитую мехом голубой лисицы. Он захватил пистолеты; его люди тоже вооружились. Он вышел из особняка через маленькую дверь возле ограды монастыря капуцинок и оказался на бульваре; обогнув его, вернулся в город и ровно в одиннадцать, когда пробили часы у фельянов, вышел на Вандомскую площадь. Было холодно, луна сияла ярким светом; при этом свете он увидел простой, но изящный экипаж, запряжённый двумя прекрасными лошадьми, а возле него — неподвижного человека, имевшего вид ожидающего.

Господин Эро не сомневался, что перед ним именно тот человек, которого к нему послали. Он подошёл к нему. Незнакомец сделал несколько шагов, приблизился к начальнику полиции: — Сударь, — сказал он, — близок ли Иерусалим от Рима?

— Что вам угодно мне сообщить? — спросил начальник полиции; — я господин Эро.

— Которого я хорошо знаю; что же касается меня, мне остаётся только засвидетельствовать ему своё глубочайшее почтение и передать самые смиренные приветствия.

— Тогда зачем вы заставили меня прийти?

— Чтобы отвезти вас, если вы согласитесь туда отправиться, в Бурбонский дворец.

При этом названии господин Эро без колебаний подчинился; он сел в карету со своим провожатым; оба его дюжих лакея взобралась сзади, кучер хлестнул лошадей, и они покатили. Всю дорогу никто не разговаривал; с обеих сторон царило глубокое молчание. Они пересекли Королевский мост; проехали вверх по улице Бурбон, затем спустились по набережной; здесь, у маленькой двери, выходящей в сады Бурбонского дворца, экипаж остановился. Дверцу открыли, провожатый вышел первым и подал руку магистрату. Оба пересекли сад; пройдя коридорами, переходами и служебными комнатами, они добрались до слабо освещённой залы; слуга приподнял дверную портьеру, и начальник полиции оказался перед господином принцем де Конде, носившим тогда титул герцога Бурбонского.

Его Светлейшее Высочество после обычных приветствий прежде всего поблагодарил господина Эро за то, что тот потрудился явиться. Он сказал ему, что надеется иметь некоторую долю в его преданности, и, получив ответ, который не мог не последовать за этими первыми любезностями, принц прямо перешёл к делу. Польский король Фридрих-Август I недавно умер. Одна из польских партий призывала на этот престол короля Станислава, ранее свергнутого; но сомневались, что он сумеет удержаться в противоборстве с Саксонским домом. Поэтому эти магнаты, эти старосты, желая противопоставить курфюрсту принца, способного с успехом с ним бороться, решили призвать к короне принца из ветви Бурбон-Кonti, безразлично какого возраста. Однако такой выбор, совершаемый уже во второй раз менее чем за пятьдесят лет, был весьма обиден, даже унизителен для Конде, старшей ветви рода.

Последние, узнав, что некая графиня Потоцка должна прибыть в Париж с полными полномочиями вести переговоры об этом избрании с господином кардиналом Флёри, желали, если возможно, не допустить, чтобы эта дама-посланница добралась до его превосходительства, или склонить её на свою сторону так, чтобы переговоры сорвались. Но для этого нужно было задержать её в Париже, воспрепятствовать её внезапной поездке в Версаль или отвратить её от этой поездки, а главное — получить известие о моменте её прибытия. Всего этого было очень трудно добиться, не имея на своей стороне начальника полиции, но затруднения сгладились бы, согласись он всеми своими многочисленными средствами помочь господам де Конде.

Дело, как видим, было щекотливым: речь шла о шахматной партии, ставкой в которой служила корона. Господин герцог Бурбонский понимал, что посредники могли бы скомпрометировать её или сделать исход сомнительным. Он видел, как карета господина Эро въехала во двор Версальского замка, распорядился проследить за магистратом и, узнав, что тот находится

у первого министра, написал ему ту самую записку, которую так таинственно передал слуга, подкупленный у его высокопреосвященства.

Господин Эро, конечно, был исполнен почтения к дому Конде; но и дом Конти не вызывал у него неприязни. Возведение французского принца на польский престол могло принести нашей стране только желанную выгоду. К тому же, быть может, этого желал и король. Эти соображения, которые он быстро перебрал, пока его знатный собеседник излагал свои мысли, заставили его колебаться с ответом.

Он начал с уверений Его Светлейшему Высочеству в своей преданности и желании быть ему приятным — обязательной формулы, от которой глаза принца заблестели. Но в то же время он признался, что, если кардинал повелит ему именем короля доставить в Версаль польского посланника и охранять его, он счёл бы себя виновным в измене, не исполнив слепо подобных приказаний, и что, за исключением этого пункта, от которого он не отступит, он сам воспользуется случаем оказать услугу монсеньору.

«Заметьте, — возразил принц, — я говорю вам не о поляке, а о даме. Вы, быть может, смешиваете две совершенно различные вещи, и я вижу, что вам отданы приказания. Я провозжу различие не чисто словесное, но безусловное, полное. Меня интересует дама. Посмотрите, насколько точны ваши приказания и хорошо ли будет допустить ошибку. Полагаю, это удовлетворит всех, и вы буквально исполните свои инструкции. Я хочу от неё только возможности поговорить с ней, прежде чем она отправится в Версаль. Вот и всё, и, конечно, в этом, как мне кажется, нет ничего противного верности, которую вы обязаны хранить королю».

Всё это вертелось вокруг очевидной игры слов. Господин Эро мог бы рассказать то, что ему было известно: кардинал настолько мало был уверен, что посланник сам явится к нему, что заранее принял необходимые меры, чтобы силой доставить его туда, куда тот, быть может, не пожелал бы отправиться; что первый министр ожидал не женщину, а мужчину; что последний так и не появился, а дама, о прибытии которой в Париж знал герцог Бурбонский, в эту самую минуту содержится под домашним арестом в особняке полиции.

Но он был слишком осторожен и слишком предан истинным интересам короля, чтобы принести их таким образом в жертву пустому самолюбию этого принца крови, ревновавшего к младшей ветви своего дома. Поэтому он сохранял внешнюю почтительность, однако ни в одном пункте не уступил, кроме обещания никому и никогда не говорить о попытке, предпринятой по отношению к нему господином герцогом. Впрочем, про себя он решил раскрыть всё, если это окажется полезно государству: молчаливая оговорка, заключённая во всех политических клятвах, условие, против которого напрасно было бы метать громы и молнии. Верность данному слову не считается делом чести, когда нарушение клятвы может предотвратить несчастье.

Принцу, мало удовлетворённому результатом своих усилий, стоило большого труда скрыть недовольство перед полицейским магистратом. Тем не менее, поскольку после всего случившегося он некоторым образом отдал себя во власть этого магистрата, принц старался сохранять любезный вид и отпустил его лишь около часа ночи.

На следующее утро, уже в восемь часов, господин Эро велел передать свои поклоны польке, которой накануне подавали обед и ужин. Одновременно он велел предупредить её, чтобы она поспешила одеться и позавтракать, поскольку ровно в девять часов он вместе с ней отправится в Версаль, куда получил твёрдый приказ её доставить.

Незадолго до назначенного времени посадки в карету он вновь велел предупредить иностранку, что уже готов и что ей тоже следует поторопиться. Затем, следуя за своим посыльным, он вошёл к графине, предварительно велел доложить о себе. Но где же дама? Она исчезла. Вместо неё стоял изящный кавалер. Все сомнения господина Эро тем самым подтвердились. Он понял тонкое различие, на котором настаивал принц. Простиралось ли превращение графини и на её имя? Подобные переодевания не были редкостью в те времена всевозможных интриг. Только красота кавалера делала его пол сомнительным.

— Кого я представлю господину кардиналу Флёри?

— «Графа Станислава Потоцкого», — гордо ответили ему. — Что же до моей миссии, она целиком направлена на благо Франции.

У господина Эро на мгновение возникла мысль проверить пол этого лица; но боязнь оскорбить даму столь высокого происхождения, если это случайно окажется она сама, а не её муж, остановила его; и, рискуя так и не узнать разгадки этой загадки, он отправился в Версаль вместе с польским вельможей.

Полицейские архивы не сообщают продолжения этого анекдота, довольно занимательного в своём начале; несколько листов были, очевидно, вырваны вслед за теми, с которых я только что привёл копию. Известно лишь, что при многих обстоятельствах политика королевского семейства всеми силами препятствовала восшествию дома Конти на польский престол.

ГЛАВА XXXI

Господин Фейдо де Марвиль. — Характер этого магистрата. — Его связи с сочинителями анекдотов. — Полезные постановления. — Свадьба красавицы Поль Сорбье. — Заговор д'Обиссона с целью похитить её в день свадьбы. — Исход предприятия. — Постановление 1743 года, касающееся врачей. — Рецепт приобретения клиентуры из больных и калек. — Рукописные новости. — Кто их составлял. — Невозможность пресечь их распространение. — Розыгрыш начальника полиции на балу в Опере. — Кто его устроил. — Ответная месть. — Официальная насмешка. — Пытка лестью. — Вольтер; дело о представлении «Магомета». — Господин Омер де Флёри, генеральный прокурор. — Два письма Вольтера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.